

**Николай Трофимович Чадович
Юрий Михайлович Брайдер
Жизнь Кости Жмуркина, или
Гений злонравной любви**

*Текст предоставлен издательством «Эксмо»
http://www.litres.ru/pages/biblio_book/?art=131063*

*Жизнь Кости Жмуркина, или Гений злонравной любви: Эксмо; Москва;
ISBN 5-04-007525-1*

Аннотация

Костя Жмуркин – человек редчайшего дара, о наличии которого он сам, как это обычно бывает, даже и не догадывается. Любой человек или предмет, ставший объектом симпатий злополучного Кости, обречен на полный и неизбежный крах, сколь бы преуспевающим и неуязвимым он ни казался. Под воздействием этого ужасного и абсолютно неуправляемого дара гибнут идеи и люди, отказывает сверхнадежная техника, разваливается могучая сверхдержава. Нет конца и края всем Костиным несчастьям, так же как и нет средства обезвредить заложенную в него «бомбу». На фоне этой трагической безысходности кажутся жалкими и ничтожными все невзгоды, посетившие нас и нашу страну в последние годы. Читайте остроумный и удивительно своевременный роман Юрия Брайдера и Николая Чадовича, и многое, еще недавно бывшее для вас тайным и невероятным, станет простым и понятным.

Содержание

Пролог	4
Часть I	6
Глава 1	6
Глава 2	8
Глава 3	11
Глава 4	13
Глава 5	16
Глава 6	19
Глава 7	21
Глава 8	23
Глава 9	27
Глава 10	30
Глава 11	34
Глава 12	39
Глава 13	41
Глава 14	44
Глава 15	47
Часть II	51
Глава 1	51
Глава 2	54
Глава 3	56
Глава 4	58
Конец ознакомительного фрагмента.	59

Юрий Брайдер, Николай Чадович

Жизнь Кости Жмуркина, или

Гений злонравной любви

Кого люблю, того и бью.

Пословица

Если кто приходит ко мне, и не возненавидит отца своего и матери, и жены и детей, и братьев и сестер, а притом и самой жизни своей, тот не может быть моим учеником.

Евангелие от Луки. Главы 14,26

Пролог

Последний из могикан

Он родился на переломе века, в ту смутную и тревожную пору, когда земные небеса, едва-едва очистившиеся от лихобойных туч шестилетней грозы, уже снова начали затягиваться мглою.

Он родился в бессмысленно-громадной, отрекшейся от бога стране, на скудных полях которой ржавчина еще доедала железо Великой войны, а по лесам и болотам истлевали вперемешку кости почти всех племен индоевропейской расы. Деревенские золотари в этой стране черпали дерьмо из отхожих мест рогатыми тевтонскими шлемами, а сами полоненные тевтоны, усердные и покорные, словно фараоновы рабы, возводили для голодных, оборванных победителей уродливые храмы новой веры.

Он родился в городке, сильно смахивающем на нищее еврейское местечко, патриотически настроенные обыватели которого еще совсем недавно развлекались публичными казнями своих бывших сограждан, из корысти, от страха или по дурости принявших сторону черного крючковатого креста в его смертельной схватке с красной пентаграммой.

Он родился под обманчивым и коварным знаком Козерога, щедрого на посулы, но скупого на дары или хотя бы на милостыню.

Он родился в год, о котором впоследствии не сумел прочесть ничего хорошего, за исключением разве что небольшого абзаца в одиннадцатом томе фундаментального труда Академии наук СССР «Всемирная история», где уклончиво сообщалось, что «силам империализма не удалось предотвратить расширение и укрепление мировой системы социализма».

В этот год убили Мохандаса Ганди и Соломона Михоэлса. На родине храброго солдата Швейка в течение нескольких февральских дней «руководящая роль пролетариата переросла в его диктатуру». Пламя первой арабо-израильской войны опалило библейскую землю. В Прибалтике полным ходом шла коллективизация, сопутствуемая неизбежными для такого мероприятия душераздирающими эксцессами. Начался Берлинский кризис. Корея уподобилась затравленному зверю, разрываемому на части разъяренными борзыми. На просторах Великой Китайской равнины, где жизнь человеческая стоила даже еще дешевле, чем на Средне-Сибирском плоскогорье, суперматч из нескольких последовательных сражений за звание Председателя и Великого Кормчего закончился в пользу более молодого и радикального претендента. На берегах Лимпопо и Замбези потомки свободолюбивых буров провозгласили режим не менее крутой, чем в другой великой алмазодобывающей стране. Засекреченный академик, лопатообразная борода которого впоследствии приобрела широкую

известность, в тесном сотрудничестве со всемогущим мегрелом клепали первую отечественную атомную бомбу, а за океаном подобные штучки уже выпекались, как пирожки.

В этом году с концертных подмостков вместе с джазом – «музыкой толстых» – были изгнаны гитара и аккордеон, а саксофон вообще попал в разряд вещей, одно упоминание о которых является святотатством.

Лучшими литературными произведениями сезона официальная критика признала романы Берды Кербабоева «Решающий шаг» и Тембота Керашева «Дорога к счастью». (Боже, кто помнит о них теперь?)

Это был год зимы и сумерек, хотя наверняка в нем были и весна, и долгие летние дни. Просто свет и тепло не проникали под зеленую маршальскую фуражку, плотно прикрывавшую одну шестую часть суши.

В этот год все еще можно было изменить к лучшему. После него – уже нет. Потому что в мир явился Костя Жмуркин, гений Злонравной Любви, а в равной мере – Добротворной Ненависти.

Не бродячая звезда вифлеемская возвестила о приходе того, чье бытие и чувства должны были отныне определить судьбы народов, а разрушительное ашхабадское землетрясение да повсеместное явление мрачных небесных знамений, которые недалекие и невежественные люди почему-то окрестили впоследствии «неопознанными летающими объектами».

Костя принадлежал к вымирающей породе пророков, хотя сам об этом никогда не догадывался. Подобно Заратуштре, он одно время верил в то, что человек может как-то вмешаться в мировую борьбу добра и зла. Подобно Моисею, был неречист. Подобно Шакья-Муни, свою первую проповедь произнес на четвертом десятке лет. Подобно Христу, не прочь был посидеть вечерком в хорошей компании. Подобно Конфуцию, заведовал складами. Подобно Мухаммеду, испытывал склонность к версификации. Подобно Мани, большую часть своей жизни подвергался унижениям и преследованиям, хотя, впрочем, шкуру живьем с него не содрали.

Но в отличие от своих великих предтеч Костя Жмуркин не верил ни в бога, ни в черта, ни в самого себя. Он был пророком совсем другой эры – эры заката и разрушения.

Часть I

Глава 1 Детство

В пору сплошной безотцовщины, когда самый завалыщий мужичишка ценился чуть ли не на вес золота, Косте повезло родиться в полной семье. Отец его, тихий, умеренно пьющий человек неопределенной национальности (скорее всего славяно-монгольской) и неизвестного происхождения (скорее всего мещанско-крестьянского), механик милостью божьей, имел, кроме хотя и небольшой, но твердой зарплаты, еще и продовольственный паек, состоявший из круп, селедки и последних ленд-лизских консервов. Рано отведавший сиротского хлеба, чудом уцелевший в перипетиях российской брато-убийственной распри, нищенствовавший и воровавший чуть ли не с пеленок, кое-как закончивший четыре класса в колонии для несовершеннолетних правонарушителей, где для него придумали фамилию, отчество и год рождения, он ничего не читал из Толстого, кроме «Филипка», однако самостоятельно пришел к принципам, сходным с учением великого старца. Чураясь зла, он сам злу не противился и пассивно воздерживался от всего, что прямо не касалось функционирования вверенных ему механизмов (хотя на займы подписывался и политзанятия посещал).

Ясно, что в подобной ситуации Костиной матери не осталось ничего другого, как принять на себя нелегкие обязанности главы семейства. Она умела просить и требовать, добывать и менять, одалживать, экономить и перешивать. Она никогда не сомневалась в непогрешимости высшей власти, в справедливости и целесообразности существующего порядка вещей и свято верила любому печатному слову, особенно газете «Труд» и журналу «Работница». Отечественную картошку она предпочитала заокеанской тушенке, по слухам изготовленной из обезьяньего мяса.

Ранний период Костиной жизни ничем особенным, кроме детских проказ и недетского упрямства, отмечен не был и впоследствии совершенно выветрился из его памяти. Не будучи вундеркиндом или хотя бы акселератом (о подобных чудесах в ту голодную пору и слыхом не слыхивали), а, наоборот, страдая легкой формой рахита – последствием послевоенной разрухи, империалистической блокады, козней космополитов и происков недобитых вредителей, – маленький Костя поначалу развивался довольно туго. Когда другие дети его возраста уже лепетали всякую милую чушь, он выговаривал только три слова: папа, мама, мясо. Относительно связно мыслить и испытывать чувства более сложные, чем голод, холод и позывы на горшок, он научился примерно так к годам четырем-пяти. Последствия этого вскоре не замедлили сказаться как в местном, так и в глобальном масштабе.

Первое, пусть и неодушевленное существо, к которому он испытал сердечную приязнь, была плюшевая обезьянка, лупоглазая и бесхвостая. (Отца и мать в расчет можно было не принимать. В то время оба они были для Кости чем-то незыблемым, существующим извечно, как небо, солнце и земная твердь. Согласитесь, что вещи подобного порядка начинают ценить только после того, как они исчезают или становятся недоступными.)

На киноэкранах страны тогда гремел американский многосерийный фильм «Тарзан», захваченный в качестве трофея у немцев. Неудивительно, что игрушечная обезьянка получила имя Читы, верной спутницы мужественного, хотя и малоразговорчивого героя. Костя засыпал только в ее обществе и соглашался есть только в ее компании, при этом в связи с отсутствием бананов Чита всегда наделялась кусочком вареной картошки.

Однажды, играя в одиночестве на пустыре, некогда являвшемся центром города, где среди золы и кирпичного крошева можно было найти немало занятных предметов, начиная от жутковатых на вид лошадиных противогазов и кончая неразорвавшимися минами, Костя был вынужден отлучиться на минутку в ближайшие кусты. Чита осталась дожидаться его за низенькими стенами песочной крепости, столь же уязвимой для козней коварного врага, как и знаменитый укрепрайон, взорванные доты которого торчали на всех окрестных высотках.

Вернувшись, Костя застал картину настолько неправдоподобно-страшную, что вначале даже не смог поверить в ее реальность и некоторое время старательно моргал глазами в надежде прогнать кошмарную галлюцинацию.

Двое балбесов, на рожах которых отчетливо читалось, что они второгодники, курильщики махорки, разорители садов, обидчики малышей и мучители кошек, играли беззащитной Читой в футбол. Естественный страх, а может быть, и врожденное благоразумие не позволили Косте очертя голову броситься на выручку приятельницы, зато его вопли были столь отчаянными (сам Тарзан мог бы позавидовать их звучности), а слезы такими обильными, что оказавшийся поблизости одноногий инвалид дядя Боря не только спас обезьянку, но даже накостылял – в буквальном смысле – жесткосердным юнцам по загривкам.

Потрясение, пережитое Костей, осталось в его памяти надолго. Существует мнение, что детская душа отходчива, однако он возненавидел обидчиков Читы глубоко и надолго. Столь искреннее и сильное чувство не замедлило принести весьма своеобразные плоды. Уже на следующий день тот из несовершеннолетних бандитов, который, стоя меж двух чахлых березок, изображал из себя вратаря Хомича, получил первую в своей жизни положительную оценку, чему и сам был несказанно удивлен. Учебный год он закончил без двоек, и, хотя безобразничать не перестал, это ему необъяснимым образом всегда сходило с рук. Уже много позднее, став известным в своих кругах вокзальным вором, он прославился прямо-таки необычайным фартом. Даже когда за случайную мокруху суд подвел всех его подельников под вышку, он отделался смешным сроком – десяткой. В зоне его не брали ни нож, ни цинга, ни холод, ни пули конвоя, и погиб он тоже счастливо – тихо уснул, упившись политурой.

Его напарнику, в том коротком футбольном матче изображавшему центрфорварда Федотова, а следовательно, совершившему куда более отвратительный проступок, в жизни повезло значительно больше. Неизвестно за какие заслуги он вскоре был принят в Суворовское училище, что послужило началом его военной карьеры. Полтора десятилетия спустя, жарким августовским днем в предместьях Праги, когда непонятно чем недовольная толпа попыталась камнями и палками остановить колонну «Т-64», чадившую последними литрами солярки, ему, тогда уже командиру танкового батальона, казенником орудия проломило верхнюю часть грудины. Благодаря этому лже-Федотов получил боевой орден и все преимущества инвалида войны: приличную пенсию, квартиру с телефоном и доступ к столу заказов лучшего гастронома. Да и работа ему досталась завидная – при картотеке в учетном отделе военкомата. Все районные руководители – мужчины и даже отдельные женщины – числились в ней кто офицером, а кто и просто рядовым запаса. Теперь, если бравому отставнику, к примеру, желательно было отовариться осетровым балыком или черной икрой, он, не суетясь понапрасну, посылал директору соответствующей торговой точки повестку, в которой тому предписывалось в кратчайший срок выбыть на трехмесячные курсы химиков-дозиметристов в Оренбургскую область. Повестка, естественно, пропала в тунне, зато вожделенный продукт незамедлительно обнаружился в холодильнике бывшего дворового хулигана, даже не подозревавшего, что все его счастье проистекает от нескольких молодецких ударов ногой, некогда нанесенных по рыжему игрушечному зверьку непонятно какой породы.

Глава 2

Разбитые иллюзии

Однако это были еще цветочки. Ягодки созрели попозже, среди зимы. К тому времени Костя уже сознавал, что одним из непременных и весьма немаловажных атрибутов окружающего мира, наравне с родителями и вечными стихиями, является некая усатая личность, несомненно, более близкая к небожителям, чем к роду человеческому (гипотезу о существовании высших сил ему уже успела ввести в уши набожная квартирная хозяйка тетя Маша).

Изображения усача красовались повсюду, начиная от привокзального буфета, в котором папа пил пиво, а сына угощал напитком «Крем-сода», кончая тесным кабинетиком в больнице, где Костю ничем не угощали, но зато преобильно кололи иглками в попку. О нем дни напролет вещала картонная тарелка громкоговорителя, его показывали в кино, по воскресеньям мама старательно переписывала его книжки в папину общую тетрадь (сам папа брал в руки перо, только расписываясь в какой-нибудь ведомости), гости по праздникам, выпив и закусив, пели песни тоже о нем. Усача в этой жизни было очень много в отличие от других приятных вещей, а именно: игрушек, «Крем-сода» и леденцов.

Ясность в их отношения внес случай. Несмотря на то что мама всегда тщательно проверяла газеты, предназначенные для использования в нужнике (не до пипифакса было тогда народу-победителю) и вырезала из них драгоценные портреты, Костя все же как-то умудрился таким портретом подтереться. Да ладно, если бы всем сразу, а не одной только его половиной. Другую половинку, изображавшую молодецкая грудь, украшенную двумя рядами орденов и маршальской звездой под кадыком (выше звезды ничего не сохранилось, даже усов, но ошибки быть не могло – такая грудь имелась одна на всю страну), тетя Маша предъявила Костиной маме. Стукачкой, кстати, она не была и поступила так из самых лучших побуждений. Костя немедленно получил выволочку, хотя обычно его в семье никто пальцем не трогал. Дальнейшее разбирательство было отложено до возвращения папочки.

Вечернее чтение сказок на сей раз заменила лекция о значении усача для всего прогрессивного человечества, о его роли в освобождении трудящихся от ига угнетателей и о любви к нему рабочих, колхозников, красноармейцев, чекистов, негров и, конечно, детей. Говорила в основном мама, а папа, выпивший чуть больше обычного, лишь изредка вставлял отдельные реплики, но зато в заключение по собственной инициативе спел песню, которая нравилась Косте и раньше. Называлась она «Марш артиллеристов».

Рассказывать мама умела, и слова ее, надо отметить, пали на благодатную почву чистой детской души. Костя внимал с тихим восторгом. Услышанное им было куда занятней, чем истории о Буратино, бароне Мюнхаузене, Красной Шапочке и докторе Айболите.

Ночью, когда все заснуло, он встал, зажег на кухне свет, подождал, пока тараканы убегут с табуретки, сел перед забранным в рамку портретом, с некоторых пор повсеместно заменившим иконы, и долго всматривался в ястребиный профиль величайшего мастера крутых исторических поворотов и смелых революционных решений. Затем он поцеловал усача в щеку и тихо спел: «И сотни тысяч батарей за слезы наших матерей...»

С тех пор жизнь Кости обрела новый смысл. Даже верная Чита оказалась заброшенной. Теперь у него появился друг, разговаривать с которым было куда интереснее, чем с любой игрушкой. Каждый день он узнавал о своем кумире что-нибудь новенькое. Благодаря ему он научился выговаривать необыкновенные слова «генералиссимус» и «стратег». Но, главное, теперь Костя был искренне уверен: случись какая-нибудь беда, за него заступится уже не пьяненький дядя Боря, вечно теряющий свои костыли, и даже не папа, которого самого частенько обижала мама, а величайший специалист в теории и практике военного искусства.

В ту пору бедный Костя еще не ведал о своем редком и, прямо скажем, несурзном даре – губить все любимое и лелеять все ненавистное. И кто знает, не вспыхни внезапно в его сердце столь неистовая приязнь к организатору и вдохновителю всех побед, тот успел бы выполнить все свои планы: завершить пятую пятилетку, осушить Колхидскую низменность, окончательно перестроить пролетарскую столицу, расстрелять очередную партию чересчур зажившихся соратников, прорыть туннель под Татарским проливом, расширить пределы Советского государства вплоть до Адриатики, депортировать украинцев на Чукотку, а чукчей вместе с евреями на Северный полюс – не даром же смелый Папанин уже проводил там рекогносцировку.

Однажды утром, едва проснувшись, Костя сразу ощутил беду, осязаемо присутствующую рядом. Что-то изменилось, пока он спал, и изменилось в плохую сторону. Из репродуктора лилась томительно-тоскливая мелодия, от которой к горлу подкатывал комок, а на глазах выступали слезы. За стенкой рыдала мать, а отец неуклюже пытался успокоить ее: «Ну ничего, не убивайся... Может, как-нибудь и без него проживем...»

Затем музыка прервалась и скорбный голос диктора, в котором, казалось, еще слышались отзвуки горестно вздыхающих литавр и стонущих труб, подтвердил то, о чем Костя уже инстинктивно догадался. Невозможное случилось. Нерушимое рухнуло. Надежда разбилась. Мир перевернулся. Божество умерло.

Костя пребывал в том возрасте, когда каждый день кажется вечностью, а проблемы жизни и смерти – неясной и несущественной условностью. Поэтому внезапно обрушившаяся на него беда была страшна именно своей необъяснимостью. Почему счастье не может длиться бесконечно? Почему все на свете имеет предел? Куда уходят и во что превращаются мертвые? Можно ли с ними когда-нибудь встретиться?

Последующие дни Костя провел, упиваясь горем и стараясь осмыслить случившееся с позиций своего собственного небогатого опыта. Он никого не желал видеть. Больше всего Костя почему-то боялся, что мертвого усача станут возить по всей стране и когда-нибудь доставят сюда, прямо под окна их домика. Этого он бы не перенес. Впервые Костя осознал, что будущее – это не только завтрашний день, но еще и много-много других дней, каждый из которых должен что-то изменить. Еще он осознал свою собственную личность, а осознав – заплакал. На этот раз от жалости к самому себе.

Все газеты дружно печатали портреты великого покойника, окруженные черной рамкой толщиной с палец. Были там и другие картинки: с отцом родным прощается осиротевший народ, с вождем прощаются испытанные сподвижники. Папа, от которого опять пахло вином, заинтересовался одним таким снимком и с несвойственной ему словоохотливостью стал объяснять сыну:

– Вот на этого глянь! Силен мужик. У хозяина в полном доверии был. При нем порядок будет. – Он указал на того из сподвижников, лицо которого напоминало морду раскормленной очковой змеи, чему в немалой степени способствовал мертвенный блеск двух круглых стекляшек.

Убеждение это проистекало у Костиного отца еще с военной поры, когда он, стоя однажды в оцеплении на Куйбышевском вокзале, был удостоен чести лицезреть обладателя зловещего пенсне, тогда еще носившего форму генерального комиссара госбезопасности. Не стесняясь своей свиты, а тем более рядовых красноармейцев, он за какую-то провинность надавал по мордасам встречавшему его генералу, что, естественно, не могло не произвести впечатления на забитого полуграмотного парня, еще недавно промышлявшего воровством арбузов на ростовском базаре.

– А вот это падлюга, – папин желтый ноготь уперся в другого сподвижника, габаритами сравнимого с предыдущим, но лицом схожего уже не со змеей, а с подсвинком средней упитанности (хоть подсвинок этот, чувствовалось, в случае чего и с волками мог запросто

хороводиться). – Шут гороховый! Сколько народа из-за него под Киевом полегло! Ему какое дело ни доверь, все угробит!

Слова эти, конечно же, запали в Костину душу, представлявшую одну сплошную незаживающую рану. Стоит ли говорить о том, что именно благодаря незримому Костиному вмешательству поединок между змеей и подсвинком закончился в пользу последнего. Приближались времена развенчания культа личности, борьбы с абстракционизмом, волюнтаризма и кукурузы.

Глава 3

Бедные люди

В каких же условиях рос и мужал будущий пророк? Как жила его семья?

Скучно, если не сказать больше. Но точно так же или даже еще хуже жили почти все вокруг, и Костя этой скучности не ощущал, тем более что печатное и эфирное слово убедительно доказывало: дела у нас идут как нельзя лучше, а во всем остальном мире, куда ни сунься – голод, безработица, бандитизм и разгул расизма вкупе с реваншизмом. Верно ведь говорят, что слепой курице любая дрянь пшеницей кажется.

Спасала их хозяйская картошка, облагороженная папиной пайковой селедкой. Мясо ели по праздникам. Сало давали больным. Копченая колбаса, икра и консервированные крабы уже появились в магазинах крупных городов, но среди знакомых Костиной семьи не было никого, кто бы их покупал.

Одежду взрослых перешивали детям, а потом от старших она переходила к младшим, пока не превращалась в безобразное тряпье. Отечественная легкая промышленность все еще лежала в руинах. Очередь на ее восстановление пока не наступила. На толкучках, правда, хватало добротных трофейных шмоток, но стоили они недешево.

По разным причинам Жмуркины не раз меняли квартиры, снимая углы у такой же, как и они сами, нищеты. Перспектива получить собственное жилье была более чем проблематична. В городке после войны почти ничего не строили. Выделяемого по строгим лимитам кирпича и кровельного железа не хватило даже на возведение райкома партии, так что пришлось разобрать некоторые второстепенные постройки, в том числе и единственную в городе баню.

Но зато уж обитель руководящей и направляющей силы удалась на славу. Три года ее возводили всем миром, да еще при участии пленных немцев, среди которых нашлись мастера на все руки. Испокон веков здешняя многострадальная земля, до которой разве что зулусы да ирокезы не доходили, не видала ничего подобного. Здание было всего-то в два этажа, но его конек вымахал чуть ли не до маковки самого высокого в городе строения – Покровской церкви, выдержавшей две мировых и одну Гражданскую войну, не говоря уже о польской кампании и освободительном походе. Могучая колоннада поддерживала внушительных размеров аттик, сплошь покрытый барельефами на темы боевой и трудовой славы. В парадную дверь мог свободно войти выучный верблюд. Потолки и стены, обильно покрытые лепниной, казались сводами карстовой пещеры. Из просторного, мощенного белым мрамором вестибюля вверх вела широченная лестница, всегда застеленная красной ковровой дорожкой. Даже в самых скромных кабинетах висели бронзовые многорожковые люстры, похожие на паникадила, свет которых, впрочем, из-под высоченных потолков едва-едва достигал рабочих мест.

Это был второй Парфенон! (Впрочем, злые языки даже в это суровое время тайком утверждали, что между копией и оригиналом столько же сходства, как у знаменитого афинянина Перикла с великим строителем современности товарищем Кагановичем.)

Короче говоря, та главная цель, ради которой строятся все храмы на свете, была достигнута. При виде этого архитектурного монстра невольно хотелось снять шапку. Без нужды туда старались не ходить, да и по нужде тоже. Не верилось, что обитатели столь величественного здания могут быть подвержены каким-либо человеческим слабостям.

Единственное, чего не хватало в этом мраморно-гипсовом чертоге, так это туалета. Обыкновенного ватерклозета с рукомойником. Хотя бы одного на два этажа. И не было в том никакой вины проектантов, а тем более подневольных зодчих. Просто никто из ответ-

ственных лиц, имевших отношение к строительству, не посмел и заикнуться на столь срамную тему. Где же это видано, чтобы в храмах нужники заводили? Что самое интересное – несколько лет никто не ощущал от этого никаких неудобств или, по-нынешнему говоря, дискомфорта. Так бы оно все и дальше шло, если бы однажды в городок не пожаловала делегация китайских друзей. Те хоть и выдавали себя поголовно за бывших рикш и кули, в вопросах физиологических отправлений стояли на классово неопределенных позициях, чем несказанно смутили гостеприимных хозяев. И дабы не допустить подобного конфуза впредь (ведь лагерь социализма неуклонно расширялся, и вскоре сюда могли пожаловать уже не китайцы, а какие-нибудь шведы или хуже того – патагонцы), решено было тот объект, куда и царь пешком ходил, все же построить.

Как известно, если партия за что-то берется всерьез – там успех, там победа. Уже на следующей неделе на задворках райкома между гаражом и конюшней вырос дощатый скворечник на два посадочных места – одно для номенклатуры, включая инструкторов, второе для технического персонала. Изредка туалетом исхитрялись пользоваться и некоторые несомнительные граждане, но им для этого приходилось перелезть через забор, изнутри коварно измазанный солидолом.

Впрочем, немцы вскоре отбыли в свой разъединенный фатерланд (один из них перед отъездом сшил Костиной маме из старой шинели вполне приличное манто), и освободившийся барак перестроили под жилье для остро нуждающихся. Мамиными стараниями семье Жмуркиных досталась одна из двадцати шести его комнатушек. Все двери выходили в длинный и темный коридор, загромаженный самодельными буфетами, керогазами, помойными ведрами, бочками с квашеной капустой и велосипедами, которые в этих краях назывались «роверками». Каждый жилец мужского пола старше четырнадцати лет прикладывался к бутылке, некоторые по-черному. Женщины, конечно, отставали, но не все и не намного. Среди остро нуждающихся оказались два эпилептика, один шизофреник (правда, не особо буйный), умирающий от пролежней восьмидесятилетний паралитик, цыганская семья, принимавшая на постой каждый кочующий мимо табор, и недавно выпущенный на волю знаменитый громила Фима Удав. Когда его забирали в последний раз, наученная горьким опытом милиция заранее приготовила на запасных путях прочный железнодорожный вагон. Фиму, столь же доверчивого, сколь и неукротимого в гневе, заманили в его нутро посулами крупного барыша за разгрузку бочкового пива. Прежде чем подвох раскрылся, дверь задвинулась и на засов была наложена пломба. Так и отправили Удава грузовой скоростью в областной центр.

Необходимо добавить, что в бараке также нашли приют не менее двух дюжин котов, не поддающееся учету количество грызунов и все виды благорасположенных к человеку насекомых. Собак в то время под крышей не держали, но одна старушка выкармливала в своей комнатушке кабанчика.

К соседям Костя относился по-разному, но особо никого не выделял ни привязанностью, ни неприязнью. Да и говорить о чем-то отдельном счастье или несчастье в этом человеческом муравейнике не приходилось. Удачу праздновали здесь всем скопом, а горевали коммуной. Каждый божий день и каждую чертову ночь в бараке дрались и любились, пропивали последние пожитки и выигрывали в карты бешеные деньги, плодили детей и делали криминальные аборт, гнали самогон и травились уксусом. Кто-то поднимался вверх – переселялся в другой барак, попросторнее и поновее, кто-то безвозвратно уходил вниз – в зону или под землю. Освободившиеся места тут же занимали другие счастливицы, и барачный люд постепенно выравнивался, нивелировался, превращаясь в одну большую семью, как того и требовали заветы бородатых основоположников.

Глава 4

Оптимистическая трагедия

А ткацкий станок времени между тем продолжал соединять бесчисленные нити человеческих судеб в замысловатое полотно истории.

Пленум следовал за пленумом, а съезд за съездом. Пятилетки сменились семилеткой. По зову партии и разнарядке сверху народ с привычным энтузиазмом превращал тучные казахские пастбища в бесплодные пашни. Французская регулярная армия под Дьенбьенфу капитулировала перед босым и голым партизанским воинством (чем дала далеко идущий пример двум другим постоянным членам Совета Безопасности ООН). Над Паннонской равниной, роня кровавый дождь, пронеслась осенняя буря пятьдесят шестого года. Самый многочисленный на планете народ большими скачками устремился к лучшей жизни, давя по пути мышей, воробьев и ревизионистов. Взлетел первый спутник, и отчалил первый атомобиль. Нил перегородила Асуанская плотина, а Суэцкий канал – тройственная агрессия. Фидель Кастро одолел старого врага своего семейного клана Фульхенсио Батисту. На Первой Советской стране достался невиданный подарок – пленный американский летун.

Все эти эпохальные события к Косте Жмуркину никакого касательства не имели и, по-видимому, были предопределены объективными причинами, а попросту говоря – стечением множества случайных обстоятельств. В ту пору хитросплетения международной и внутренней политики были ему, грубо говоря, до фени. К постановлению ЦК КПСС «О дальнейшем развитии колхозного строя и реорганизации МТС» он относился точно так же, как и к провозглашению независимости Судана, – то есть вообще никак. Весть о вводе в действие Каракумского канала, влетев в одно его ухо, тут же вылетала в другое. Женевские переговоры по разоружению и всеобщая забастовка мексиканских железнодорожников ничуть не трогали Костю и потому проходили как бог на душу положит. К преждевременной смерти Мерилин Монро, Жерара Филипа и Бориса Виана он был абсолютно непричастен, поскольку ничего о них не знал. (Гораздо позднее выяснилось, что существуют отдельные люди и целые государства, имеющие к Костиному уникальному дару стойкий иммунитет. Ни ненависть его, ни любовь нисколько на них не отражалась. Насылать на этих выродков добро или зло было так же бесперспективно, как лечить сифилис горчичниками.)

Костю в то время занимали проблемы в общечеловеческом масштабе хоть и ничтожные, но лично для него первостепенные. Поэтому их крах был особенно печален. Он с радостью пошел в школу, дабы побыстрее овладеть грамотой и вечерами не отвлекать маму от шитья и стирки, но читать по слогам научился чуть ли не позже всех своих одноклассников. Ему хотелось быть сильным и ловким, а он так и не смог освоить премудрость подтягивания на перекладине и лазанья по канату. Пацаны и даже некоторые девчонки нещадно колотили его в школе. Костя, не умея дать сдачи, плакал по ночам от обиды. Он завидовал добротным одетым детям, а сам таскал обноски. По-прежнему нежно любимого им отца народов не только вселюдно хаяли, да еще и выбросили из усыпальницы. Зато уж презираемый Костей главный хулиган процветал – шастал по заморским странам, страшил кузькиной матерью империалистов и даже назначил точную дату прихода коммунизма. Лысина его сияла, как нимб апостола, а жирное пятно на галстуке, растиражированное на обложке журнала «Огонек», казалось печатью избранника счастливой судьбы.

Окончательно потеряв надежду самоутвердиться вне дома, Костя все чаще стал посвящать свое свободное время книгам, благо по соседству с Жмуркиными квартировала библиотечка Бася Соломоновна, к которой мама без всякого на то основания ревновала папу. Домашние задания не были тому особой помехой – упорно грызть гранит науки Косте не

позволяла природная лень, да и особой тяги к знаниям не наблюдалось. В книгах он нашел все то, чего не имел в реальной жизни, и потому полюбил их самозабвенно. К счастью, это уже не могло причинить вреда ни Дюма, ни Конан Дойлу, ни Уэллсу, а тем более смелым мушкетерам или проницательному сыщику с Бейкер-стрит.

Костя вырослел, не выпуская из рук сработанные Детгизом и Гослитиздатом тома, и, как всегда, в полной противоположности с его симпатиями, тайно вызревал отравленный плод, со временем обещавший набить оскомину не одному поколению литераторов, еще даже не взявшихся за перо. Особенно невеселая судьба ожидала тех, кому предопределено было писать фантастику – любимый Костин литературный жанр.

Но живому невозможно отгородиться от жизни. А тем более таким жалким щитом, как книги. А особенно в стране, где в чужую жизнь принято было залезать, не снимая галош.

Костя, как и все его сверстники, носил красную удавку. В праздники маршировал под барабанную дробь. Пусть и вполуха, но вслушивался в ахинею, извергаемую квартирной радиоточкой. Рассеянно, но все же почитывал школьные учебники. Собирал металлолом, хоть и по принуждению. Пел в хоре песню «Горите ярче, маяки» и по заданию пионервожатой вместе с одноклассниками обходил частные домовладения, переписывая скотину, которой несознательные граждане скармливали печеный хлеб, за одну зиму вдруг ставший дефицитом.

Не миновала Костю и бурная кампания в защиту свободы и независимости недавно провозглашенной африканской республики Конго. Далекая, замученная мухами цеце и колонизаторами страна, о существовании которой раньше мало кто и догадывался, вдруг стала дорогой и близкой, как родимый погост. От гимна до гимна только и слышно было: премьер-министр Лумумба, столица Леопольдвиль, провинция Катанга, предатель Касаубу, бельгийские парашютисты... Можно было подумать, что все другие мировые проблемы исчезли. В очередях за мукой и молоком живо обсуждались злодейские действия горнорудной монополии «Юнион Миньер». Мужики за кружкой пива кляли уже не жен и начальников, а преступное бездействие войск ООН. Генерального секретаря этой малоуважаемой в то время (нами!) организации Дага Хаммаршельда карикатуристы перекрестили в Дога и изображали в виде шелудивого пса. В словарь российской брани на равных вошла оскорбительная кличка Чомбе. Всех черных и вороватых котов называли Мобуту. Композиторы спешно сочиняли песни и оратории, посвященные лидерам партии Национального движения.

Костя, мало смысливший в структуре современных органов государственного управления, но успевший проштудировать Буссенара и Хаггарда, представлял себе Лумумбу могучим и смелым воином, облаченным в набедренную повязку из леопардовой шкуры и ожерелье из львиных клыков. (Правда, некоторый диссонанс в этот образ вносила газетная фотография, изображавшая премьера при галстукке и в очках, но кто может знать, для чего эти штуки носят в Африке? Кому-то нравится кольцо в ноздре, а кому-то стеклянный велосипед на переносице.)

В мечтах Костя не однажды переносился на берега реки Луалабы: безжалостно жжет экваториальное солнце, в мутных водах квакают крокодилы, в листве бомбаксов верещат мартышки, а сквозь редяющие джунгли, обгоняя обезумевших от страха диких слонов, с леденящим душу боевым кличем несется на врагов лава чернокожих бойцов, и впереди всех, рядом с поджарым очкастым вождем – он, Костя Жмуркин, крепко сжимающий в руках тяжелый ассегай. Трусливые и коварные, обреченные на гибель враги всегда были бледнолицыми, но каждый раз выглядели по-другому – то это была уличная шпана, не дававшая Косте прохода, то педагогический коллектив родной школы в полном составе, включая техничек и лысого завхоза.

Но пока Костя нежился в своих сладких грезах, реальные враги в реальной Африке уже ставили реального Патриса Лумумбу к стенке, которая в глуши Катанги могла выглядеть как угодно – и отвалом кобальтовой шахты, и неохватным стволом баобаба, и унылой громадой термитника.

Стойко пережив очередной удар судьбы (опыт, слава богу, имелся), Костя единым духом написал первое в жизни поэтическое произведение. Начиналось оно так: «Убили гады Патриса Лумумбу и закопали неизвестно где. Убил его предатель Касавубу и даже трупа не отдал жене».

Этот незамысловатый стишок, слегка отредактированный учителем словесности, увидел свет в школьной стенгазете, а затем, безо всякого участия автора, стал популярной приклатненной песенкой, вскоре, впрочем, совершенно справедливо забытой.

Немало лет спустя, уже крепко ученый жизнью, Костя изменил свое отношение – нет, не к своему чернокожему герою, который, возможно, и взаправду был кристальной личностью, – а к его делу. Ведь случись тогда иной расклад картишек, и у стенки, соответственно, оказались бы совсем другие люди. Никто не смог бы помешать племенам балуба, баконго, бембо и иже с ними под рукоплескания пресловутого прогрессивного человечества шагнуть из джунглей напрямик в социализм. И пришлось бы русскому мужику и узбекскому дехканину вечно кормить своих свободолюбивых конголезских братьев, поля которых загадочным образом сразу бы оскудели, а недра иссякли.

Спасибо тебе хоть за это, генерал Мобуту Сесе Секо Куку Нгабенду Ва За Банга – Пиночет шестидесятого года.

Глава 5

Как закалялась сталь

Что-то менялось в жизни. Это понимала мама, которая уже не могла меняться, но совершенно не понимал Костя, который сам менялся и, может быть, даже быстрее, чем следовало.

На свете есть немало печальных вещей, и одна из них – одинокая скучная юность в городке, где зимой после восьми часов вечера гаснут почти все окна, а летом на главной улице пасутся гуси.

Косте было скучно, скучно в широком смысле этого слова, как бывает скучно угодившей в клетку вольной пташке. Серьезные горести, слава богу, обходили его стороной, а счастья даже не предвиделось. Нельзя же считать настоящим счастьем наступление летних каникул или приобретение новых ботинок. Особенно тошно ему почему-то было ранней весной, когда светлыми вечерами неизъяснимо-томительно пахло тающими снегами, пробуждающейся землей и нездешними ветрами. Ладно еще, если бы Костя, как и в детстве, продолжал пребывать в счастливом неведении. Но он-то уже знал о существовании совсем других городов и совсем другой жизни! Тут книги крепко подпортили ему.

В среде, где он рос, в замкнутом пространстве «школа – улица – подворотня», ценились сила и наглость. Не прибившийся ни к одной стае, хилый и достаточно наивный Костя оказался в положении футбольного мяча, мимо которого нельзя пройти, не пнув ногой. На всю окрестную шпану у него просто злости не хватало, а следовательно, и удачей те не были чересчур избалованы. Терпя от конкурирующих банд поражение за поражением, они срывали свою злобу на таких же, как Костя, безответных жертвах.

Костину жизнь в одночасье переменяла любовь, буквально обрушившаяся на него в тот момент, когда порог восьмого «А» переступила новенькая. Она была офицерской дочкой, носила волшебное имя Лариса, зимой ходила не в валенках, а в сапожках на высоких каблуках, курила сигареты с фильтром, имея спортивный разряд по акробатике, ловко крутила сальто, по-английски изъяснялась лучше преподавателя и вообще отличалась от других девчонок примерно так же, как ласточка отличается от воробьев.

Через пару недель Лариса уже была общепризнанной королевой школы. Взглянуть на нее на переменах заходили даже десятиклассники. Она же была равна со всеми, а в подружки себе демонстративно выбрала самую зачуханную девчонку.

Завоевать расположение Ларисы для Кости было так же нереально, как прыгнуть выше головы (он и метр тридцать с трудом брал). Однако, возможно впервые в жизни, Костя все же отважился на опрометчивый поступок и Восьмого марта, после школьных танцулек, увязался за предметом своей страсти.

Кроме него, Ларису провожали какие-то наглые переростки, к их школе вообще никакого отношения не имевшие. Костю даже не стали бить, к чему он внутренне подготовился, а просто спихнули в канаву с талой водой. К счастью, Лариса, польщенная столь явным обожанием почти взрослых парней, этого прискорбного события не заметила. Зато наперсница ее, эдакий неказистенький Геббельс в юбке, чутко повела своей крысиной мордочкой в сторону гулкого «бултых!» и, конечно же, все успела углядеть.

Мокрый (главным образом в штанах, что было особенно омерзительно), потерявший шапку, которая пошла путешествовать по льду вместе с компанией обидчиков, Костя добрался до какого-то забора и, вцепившись в него, уставился в ночное небо. Мутная перекошенная луна то появлялась, то исчезала в рваных тучах. Вблизи не светил ни единый фонарь. На окраинах в унисон с ветром выли собаки. И черная хаотическая бездна над головой, и грязно-белая подмерзающая твердь под ногами напоминали кошмарную декорацию из пьесы, повествующей о крушении мира и гибели богов.

Ничего этого не было, твердо сказал он себе. Ничего! И вцепился зубами в собственную ладонь.

Память его была как рана, оставленная змеиным жалом, и эту рану следовало немедленно прижечь, пренебрегая самой мучительной болью.

Это все мне только приснилось, убеждал он себя. И вам, гады, тоже! И тебе, полковничья дочь! Зато теперь все будет по-другому! Не завтра, не послезавтра, но обязательно будет! Вспомните меня! А ты, акробатка, в особенности! Еще пожалеешь, голубоглазая дура! Сама прибежишь! Да только поздно будет.

Через полгода Лариса, на которую уже начали действовать губительные флюиды Костиной любви, следствием чего явились обильные прыщи, еще более обильные тройки, полный провал спортивной карьеры и даже, по слухам, прерванная на восьмой неделе беременность, отбыла вместе с семьей к новому месту отцовской службы. Костя так с ней ни разу и не переговорил, но запомнил навсегда.

Встретил он ее снова только лет через двадцать. Изменилась Лариса мало, не располнела, не похудела и для своих лет выглядела вполне товарно. Удивило Костю только то, что рукав ее шубки был надорван по шву от плеча до локтя и из него торчала пестрая подкладка. Паче чаяния, своего одноклассника она сразу узнала и несказанно обрадовалась встрече.

Лариса сама предложила отметить это событие и привела Костю на какие-то задворки, где в дощатой продовольственной палатке только что начали давать дефицитную «Старку».

«Сколько возьмем?» – поинтересовался он, стоя в конце весьма внушительной по размерам и крайне агрессивной настроенной очереди. «Три штуки, – рассудительно ответила она. – Одну ты выпьешь, другую я, а третья пусть будет дежурной».

В толпе мужиков, изнывающих от нетерпения и особой, сжигающей сразу и мозги и нутро жажды, Лариса вела себя столь уверенно и достойно, что даже заматерелые завсегда-тай вытрезвителя скоро стали поглядывать на нее с уважением.

Все три бутылки были опорожнены в подсобке больничной столовки, где, как выяснилось, Лариса работала посудомойкой. Закусывали они несоленой перловой кашей и столь же пресными паровыми котлетами.

«Диета номер один, – словно оправдываясь, объяснила Лариса. – Для доходят готовят. Всегда лишняк остается».

Принятая внутрь жидкость очень скоро стала изливаться из нее в виде обильных слез. Утираясь кулаками и полрой шубы, Лариса жаловалась на скаредного и неверного мужа, на бессердечного судью, засадившего за решетку сына, всего-навсего ограбившего какого-то заезжего барыгу, на приятелей, употреблявших ее цветущее тело только в гаражах и автомашинах, и вообще на злосчастную судьбу, заставившую ее в этом году поменять уже третье место работы.

Он нежно, но решительно пресек все ее довольно жалкие попытки к физическому сближению и ретировался, теша себя мыслью, что в дальнейшей жизни Ларисе должно повезти значительно больше. Ведь она только что благополучно освободилась от каиновой печати Костиной любви.

Однако вернемся к нашему потрясенному и униженному герою.

Пятнадцатилетний паренек, поздней мартовской ночью явившийся домой (а жили Жмуркины сейчас уже в другом бараке, кирпичном и двухэтажном), был только оболочкой прежнего Кости, и под этой оболочкой, в питательной среде глубочайшего к себе самому отвращения, уже зарождалось новое существо, для которого путь достижения жизненного успеха был очевиден: сила, наглость, обман, подлость.

За самосовершенствование Костя взялся с азартом и настойчивостью юной души, пребывающей в плену иллюзорной идеи о возможности как-то изменить эту жизнь. Понимая, что безнаказанно наглеть или подличать можно, только имея физическое превосходство над супротивной стороной, он первым делом занялся наращиванием силы. На этот раз страсть к чтению принесла определенную пользу. Костя уже давно приметил на дальней полке библиотеки пособие по атлетической гимнастике (понятие «культуризм» в ту пору было чуть ли не под запретом). Проблема состояла в том, что книги выдавались на срок не больше семи дней, а Костины планы простирались на годы вперед. Дабы устранить это досадное несоответствие между мечтой и реальностью, он совершил первую в жизни кражу. Далось это Косте, надо заметить, совсем не легко. Все семь дней он пугался каждого стука в дверь и каждого ночного шороха (ему почему-то казалось, что с обыском придут непременно ночью). Успокоился он только при очередном посещении библиотеки, уловив в глазах Баси Соломоновны полное равнодушие к своей невзрачной особе. Так Костя убедился, что поговорка про веревочку, которая как ни вьется, а все равно конец имеет, не всегда соответствует действительности. Дабы закрепить благоприобретенные навыки, он спер еще одну книгу – совершенно не нужный ему «Эпос о Гильгамеше» (более или менее читабельная литература, как всегда, была на руках).

Под гантели Костя приспособил якоря движков постоянного тока, формой похожие на противотанковые гранаты. Для удобства их пришлось связать попарно, обмотками в разные стороны. Изъятие этих якорей с территории завода «Красный энергетик» нельзя было назвать кражей в прямом смысле этого слова – там такое добро валялось повсюду, постепенно превращаясь в один из компонентов почвенного слоя. Вес каждого такого самодельного снаряда приближался к полупуду. Во время упражнений они извлекали из Костиных суставов мелодичные звуки, похожие на похрустывание свежего ледка. Задыхаясь и потев, он таскал железо по часу ежедневно и очень скоро возненавидел это тоскливое самоистязание. Возможно, именно поэтому ему сопутствовал успех, каждый раз бесстрастно подтверждаемый клеенчатым портновским сантиметром, – бицепсы, трицепсы и прочие мышцы неуклонно увеличивались в объеме. В июле он впервые подтянулся десять раз подряд, а в августе на вытянутых в сторону руках пронес от водозаборной колонки до дома два полнехоньких ведра воды.

Глава 6

Битва в пути

Первого сентября, замирая от нехорошего предчувствия, но изо всех сил крепясь, Костя уселся за самую престижную в классе последнюю парту, на которую не имел даже чисто теоретических прав. Общее недоумение перешло в плохо скрываемое злорадство, когда непосредственно перед звонком появился бесспорный хозяин этой парты – плотный и белобрысый второгодник Сенька Махорка. Без всяких церемоний он ухватил Костю за шкурку и, скалясь прокуренной пастью, поволок на лобное место – к доске.

Костя дергался и брыкался, как изловленный волком заяц, впрочем, примерно с тем же успехом. Гантели и перекладина не в состоянии были одарить его даже частью той силы, которой обладал юный богатырь Махорка, с семи лет таскавший навоз, с десяти коловший дрова, а в четырнадцать уже попадавший за драки в милицию. Широкое рябое лицо сытого, незлобивого хищника (пахло от Саньки тоже, как от зверя – кисло и остро) внезапно оказалось совсем рядом, и тогда Костя, действуя скорее по наитию, чем по велению рассудка, резко откинул назад голову и лбом трахнул в эту ненавистную морду, трахнул тем самым местом, из которого у парнокопытных растут рога.

Хотя нокаут и не состоялся, Костина победа была очевидна. Пропустив столь сокрушительный удар, бой не смог бы продолжать даже олимпийский чемпион Попенченко. Кровь текла у Махорки не только из пасти, но также из шнобеля, а урон, причиненный верхним резцам, мог быть устранен только с помощью стоматолога-ортопеда.

Звонок, раздавшийся сразу после этого происшествия, как бы подтвердил исход поединка. Дрожа от всего пережитого, Костя как в тумане добрался до отвоєванной парты. Его новый сосед, приятель Махорки и тоже драчун не из последних, опасливо отодвинулся подальше. На опустевшем ристалище осталась лужица крови, в центре которой, словно жемчуг на сафьяновой подушечке, поблескивал выбитый зуб.

Первый урок, как назло, проводила их классная руководительница. В борьбе с молодым поколением она настолько поднатрела, что ныне могла бы служить даже старшиной в дисбате. Ей не составило особого труда вычислить жертву – Махорка, пристроившийся где-то в передних рядах, среди девчонок, громко отхаркивал в мусорницу кровавые сгустки.

«Кто это сделал?» – холодно осведомилась она, не надеясь, впрочем, на немедленный, а тем более правдивый ответ. Ябеду ожидала участь куда более печальная, чем пресловутую белую ворону.

«Я», – ответил Костя, глядя в сторону.

Классная уже собралась было обрушить на смутьяна обычный набор воспитательных мер – удаление из класса, «неуд» по поведению, карикатуру в стенгазете, письма по месту работы родителей, – но, наглядно сравнив незавидное Костино телосложение с богатырской комплекцией Махорки, сказала только: «Садись. Дежурные, уберите помещение».

Спустя несколько дней, при выборах старосты, она сама выдвинула Костину кандидатуру. Класс по традиции единодушно поддержал ее. На Махорку, демонстративно засунувшего руки под парту, никто не обратил внимания.

Костя не испытывал к поверженному врагу ненависти по той же причине, по которой Петр Великий не испытывал ее к плененным шведским генералам. Если бы такой случай не подвернулся, его следовало бы придумать. Поэтому и дальнейшая жизнь Семена Махорки (по паспорту – Махрякова) сложилась не весьма удачно.

В девятом классе он был исключен из школы за то, что, откачивая вместе с другими ребятами воду из затопленного небывалым ливнем стрелкового тира, по злому (хотя и недоказанному) умыслу вылил полное ведро грязи на лысину завхоза, находившегося в непо-

средственном родстве с заведующим районо. Вследствие столь серьезного пробела в образовании Сенька попал не в строевую часть, а в стройбат где-то на Крайнем Севере. Пьяный, он заснул однажды в пятидесятиградусный мороз прямо на снегу. Нашли его еще живого и в окружном госпитале резали по частям: сначала отняли все пальцы, потом кисти и ступни, а уж напоследок откромсали верхние конечности до плеч, а нижние до паха. Самое примитивное земноводное не выдержало бы подобных издевательств, а вот гомо сапиенс Махряков, у которого, по словам операционных сестер, даже содержимое мочевого пузыря превратилось в лед, – выдержал.

Узнав все эти жуткие подробности, Костя несколько дней пребывал в мрачном состоянии духа. Ведь что ни говори, а он первым начал разрушать это могучее тело, сначала физическим воздействием, а затем скрытой симпатией. Машинально водя пером по листу бумаги, он верлибром выразил свои невеселые мысли:

Интересно, что может сниться человеку,
Полярной ночью уснувшему на снегу?
А в следующую ночь,
После того,
Как он превратился в безобразный обрубок?

После той достопамятной стычки Костя продолжал упорно заниматься атлетизмом, хотя слухи о его силе и неустрашимости, быстро распространившиеся по школе, дали куда более убедительный эффект. Никто больше не смел его задирать. У Кости появились друзья и прихлебатели, тем более что в борьбе на руках он действительно побеждал уже почти всех ровесников.

При всем при этом он продолжал оставаться трусом. И как всякий трус, прикидывающийся смельчаком, должен был чуть ли не каждый день демонстративно доказывать свою смелость. Там, где действительно неробкие ребята не считали зазорным отступить, Костя петухом бросался вперед, впрочем, нередко действуя по известному принципу: «Держите меня крепче, а не то я всех этих гадов перекалечу!» Выручала его врожденная хитрость, благодаря которой он всегда, как бы случайно, оказывался в самом безопасном месте потасовки, да еще обостренное чувство опасности. Пацаны из какой-нибудь враждебной группировки (а в городке их насчитывалось примерно столько же, сколько и улиц), сидя в темном зале кинотеатра, еще только договаривались отколотить опрометчиво забредшего сюда Костю, а тот на цыпочках уже спешил к выходу. Трудно быть зайцем, но вдвойне труднее быть зайцем в волчьей шкуре.

Благодаря гантелям Костя скоро перестал расти вверх, но зато раздался в плечах. С преподавателями он вел себя вызывающе независимо, а с мамой все чаще вступал во всякие пустопорожние дискуссии. Рефрен в этих словесных стычках всегда был один и тот же: «Вместо того чтобы железяками пол уродовать, лучше бы огород вскопал!» К шестнадцати годам Костя уже познал вкус вина и сигарет. Лишь в одном он не преуспел – в отношениях с девочками. Тут уж его напускную браваду как ветром сдувало. Любая сопливая замарашка казалась ему таинственным и необыкновенным существом.

Глава 7

Американская трагедия

Карибский кризис миновал, ничем, в общем-то, не задев Костю, – уж очень смутны и противоречивы были официальные сообщения. Наверное, если бы тогда и случилась большая беда, советский народ узнал бы о ней последним в мире, то есть в тот момент, когда над Москвой, Питером и Свердловском повисли бы «Б-52». Но все обошлось благополучно и завершилось дружескими рукопожатиями двух лидеров, еще недавно пытавшихся ухватить друг друга за плечико. Так впервые в жизни Костя увидел в газете фотографию Джона Фицджеральда Кеннеди. По контрасту с «нашим дорогим и любимым Никитой Сергеевичем» – лысым, косопузым, бородавчатым – американец смотрелся ну прямо как киногерой.

Вот таким хотел быть Костя: элегантным, мужественно-красивым, причесанным на косою пробор, породистым и богатым. То, что Джон правил в стране расистов, империалистов, безработных и наркоманов, придавало ситуации особую пикантность. Рыцарь Добра на троне Царства Тьмы. Хотелось верить, что он сломает хребет кукуклуксклановцам, уравнивает в правах белых и черных, помирится со смелыми барбудос и в конце концов научит своего новоявленного приятеля правильно сеять кукурузу.

Костя стал собирать все газетные и журнальные заметки, касавшиеся тридцать пятого президента США. В них его если и не хвалили, то, по крайней мере, не обзывали всякими похабными кличками, что уже само по себе говорило о многом. Даже Кукрыниксы, успевавшие в каждую дырку залезть, ни разу, кажется, не посмели изобразить его в виде шакала или грифа-стервятника, сжимающего в когтистой лапе атомную бомбу. В форме неопределенных намеков упоминалось о намеченной им программе «ограниченных социально-экономических реформ» и «более реалистическом курсе в отношении к СССР».

Хотелось верить, что наступают действительно новые времена.

В тот памятный осенний вечер Костя, машинально выжимая гантели, уже ставшие легковатыми для него, обдумывал текст своего письма Джону Фицджеральду, в котором собирался изложить принципы будущего справедливого мироустройства. Внезапно транслировавшийся по радио концерт симфонической музыки прервался, и диктор довольно равнодушно сообщил, что в городе Далласе совершено покушение на президента США, который с серьезным ранением доставлен в госпиталь.

Весть эта так ошарашила Костю, что он не поленился разбудить уже успевших опочить родителей, за что и получил от мамы тапочкой. Трагедия заокеанской страны ее ничуть не трогала. Выпивший папа вообще не проснулся.

Зато Костя, окончательно добитый вторым сообщением, в отличие от предыдущего не оставившего уже никакой надежды, не мог заснуть почти всю ночь. Впервые в жизни его посетила шальная догадка, что трагическая судьба всех симпатичных ему людей каким-то сверхъестественным образом связана с ним самим. Он вспомнил легенду о Мидасе, прикосновение которого обращало в золото любой предмет. А что, если он, Костя, наделен не менее злополучным даром – губить тех, на кого направлены добрые побуждения его души? Предположение выглядело достаточно дико, но он возвращался к нему вновь и вновь.

Уже на рассвете что-то нехорошее случилось с Костиным сердцем. Впечатление было такое, как будто бы чьи-то невидимые пальцы несильно сдавили его, проверяя на упругость. И опять же – впервые в жизни – Костя ощутил страх смерти.

Немного отдышавшись, он припомнил, что в брошюре подобные симптомы упоминаются как последствия перетренированности. После завтрака вместо школы Костя отправился в поликлинику. Глухой, горбатый и сам едва живой врач определил какую-то труднопроизносимую сердечную болезнь. Ворованные якоря электродвигателей могли оказаться

для Костиной судьбы якорями в самом прямом смысле. По крайней мере, физические нагрузки, а в особенности бег и подвижные игры, были ему впредь строжайше запрещены.

Одна новость была хуже другой, и, чтобы хоть как-то скрасить этот печальный день, он зашел в гастроном купить себе конфет. Стоя в очереди к кассе, Костя стал невольным свидетелем разговора двух старух – типичных завсегдатаев торговых точек, для которых мастерство покупки стало уже почти самоцелью и которые могли часами дожидаться появления на прилавке какого-нибудь дефицита. Охаяв внешний вид рыбы камбалы, у которой «оба вока на один бок перекасила», они перешли к обсуждению деталей далласской трагедии.

– А ты ты ведаешь, хто таго президента забил? – поинтересовалась одна.

– Не, – ответила другая, раскладывая на ладони медяки.

– Да наш хлопец, з Минска. На радиозаводе рабил.

– Штоб яму, злыдню, руки паатсыхали! – Вторая старушка определенно была противницей насильственных методов политической борьбы.

Ну и дуры, подумал Костя. Это надо же такое выдумать!

Лишь много лет спустя ему стало известно, что предполагаемый убийца Кеннеди действительно одно время жил в Минске, трудился на радиозаводе и даже был женат на минчанке. Но откуда об этом могла узнать согбенная под тяжестью кошелок старуха спустя всего четырнадцать часов после покушения? Это навсегда осталось для Кости загадкой.

Весь остаток дня он в прострации пролежал на диване. Если бы из беспорядочно роившихся в его голове смутных мыслей можно было составить какое-то резюме, выглядело бы оно приблизительно так: «Неужели за все в жизни надо платить – за силу, за авторитет, за свою любовь, за любовь чужую? И почему эта плата порой бывает несоизмеримо высока в сравнении с приобретением?»

Глава 8

Танцы мужчин

Впрочем, Костино сердце больше беспокоило его родителей, чем его самого. Новый статус, подтвержденный медицинской справкой, давал немало преимуществ. Можно было вполне законно сачковать на уроках труда и физкультуры, игнорировать сбор металлолома, выезды на уборку картошки и шефские мероприятия на свиноферме колхоза «Заря коммунизма», после которых от школьников целую неделю разило навозом. Теперь, если кто-нибудь из учителей начинал чересчур донимать Костю всяким вздором вроде доказательства теоремы Эйлера или повестки дня первого съезда РСДРП, он откупоривал тубик из-под валидола, вытряхивал из него таблетку, не содержащую ничего, кроме аскорбинки с глюкозой, и, болезненно морщась, совал ее в рот. Обычно его после этого сразу оставляли в покое, а иногда даже выводили под руки на свежий воздух. Все одноклассники прекрасно знали про эти фокусы, что не могло не отразиться на укреплении Костиного престижа. Обмануть учителя считалось в их школе чуть ли не за героизм.

Костя продолжал, правда, уже без прежнего энтузиазма, таскать железо, гонял в футбол на истоптанном поле городского стадиончика, где многочисленные и регулярно обновляемые коровьи лепешки помогали ему оттачивать дриблинг, и дважды в неделю навещался на танцульки в районный Дом культуры. (Надо признаться, что из явлений культуры в этом замызганном вертепе имели место разве что таблички «Не курить», к месту и не к месту развешенные повсюду.)

Знакомиться с девчонками он по-прежнему стеснялся и вследствие этого так и не смог освоить популярный парный танец, условно называемый «танго» и представлявший собой топтание в обнимку на одном месте, в процессе которого партнер старался расположить руки как можно ниже талии партнерши, а та в свою очередь всячески этому противилась.

Зато Костя не на шутку увлекся твистом, еще только начинавшим тогда входить в моду. Танцевать его можно было и вдвоем, и втроем, и целой кучей, и даже вообще в одиночку. А уж техника исполнения ограничивалась только степенью подпития и физическими кондициями плясунов, да еще прочностью пола. Кто-то вихлялся на одной ноге, кто-то на обеих сразу. Кто-то прогибался дугой, а кто-то с диким гиканьем прыгал чуть ли не до потолка. В принципе не возбранялось даже ходить на голове, лишь бы это происходило в такт с музыкой. Появились асы, во время танца не выпускавшие из рук стакан с вином, а из зубов – дымящийся бычок. И все это проделывалось с пугающей истовостью, напоминающей камлание шамана. В углу зала специально ставилось ведро с холодной водой, дабы наиболее отчаянные энтузиасты могли освежиться, не прерывая пляску. Пыль стояла столбом, а в окнах дребезжали стекла. Завсегдатаи американских дансингов попадали бы в обморок, увидев, во что превратился их любимый танец на заснеженных просторах Евразии.

Однако Костя Жмуркин не был бы самим собой, если бы не навлек беду на очередной предмет своего обожания.

С неистовством, заслуживающим лучшего применения, на танец твист обрушились сразу три могущественные силы. Первой из них была общественность, представленная матерыми тетками и дядьками, адептами вальса и «Барыни». На танцы они таскались по старой памяти, и молодежные игрища им, конечно же, мешали. Второй – милиция в лице участкового, в общем-то, равнодушного ко всем гримасам Терпсихоры, но явно инспирируемого кем-то сверху. Третьей – педагогический коллектив школ города, регулярно высылавший в Дом культуры свой патруль.

На твистоманов устраивались натуральные облавы. Их отлавливали, как карманных воров на базаре, и с заломленными назад руками волокли в кабинет директора, где учили

уму-разуму, активировали за мелкое хулиганство, да вдобавок еще и фотографировали. На следующий день портреты наиболее упорствующих в грехе уже красовались в общегородской стенгазете БОКС – «Боевой Орган Комсомольской Сатиры».

Но чем интенсивней становились репрессии, тем шире росло противодействие им. Изгнанные из зала приверженцы твиста переходили в фойе, оттуда перебирались в темный, полусасыпанный углем подвал, а уж в самом крайнем случае откалывали свои коленца на улице, под аккомпанемент гармошки или транзистора. Костя и его приятели совершенно не могли взять в толк, чем же так не угодил властям предрежащим этот танец, пусть и чересчур разудалый, пусть и сомнительного происхождения, но ни прямо, ни косвенно не способствующий подрыву существующего общественно-политического строя. Выходило, что под музыку щупать за ягодицы девиц вполне прилично, а приседать и раскачиваться, интенсивно вращая коленками, – уже неизгладимый позор, низкопоклонство и забвение идеалов. Тогда Костя еще не понимал, что поиск логики в этой жизни – занятие столь же неблагодарное, как и труд минера.

Борьба эта, то замирая, то вновь вспыхивая, продолжалась не менее года, и тогда неведомые высшие силы, реализовывавшие на практике неосознанные порывы Костиних чувств, решили взяться за дело кардинально и если уж не изжить твист в мировом масштабе, то хотя бы задушить его в одном отдельно взятом городке.

Дело опять происходило ранней весной, опять нежные сумерки скрыли уродство и грязь окружающей действительности, и опять Костю томили необъяснимые предчувствия.

На танцы он пришел чуть позже обычного, сдал в гардероб верхнюю одежду, но шапку-ушанку из кроличьего меха почему-то снимать не спешил. Удивляло его некоторое возбуждение публики, подпившей чуть больше обычного, да отсутствие солдатни из ближайшего гарнизона, с некоторых пор зачавшей на танцы. А поскольку количество особ прекрасного пола при этом осталось без изменения, резкое увеличение числа кавалеров инициировало постоянные стычки между народом и армией, в нашем государстве якобы изначально единых. Обычно подобные конфликты, по традиции сопровождавшиеся мордобоем, заканчивались в пользу народа, имевшего подавляющее численное преимущество. Солдат в увольнение пускали скупно, а Дом культуры по субботам мог выставить до полусотни активных бойцов.

Ходили, правда, упорные слухи о предстоящем грандиозном сражении, в ходе которого армия намеревалась взять реванш за все прошлые поражения и кровью горожан смыть свой позор. Однако Костя, увлеченный именно танцами, а отнюдь не девками и разборками по их поводу, этими сплетнями пренебрегал. Солдаты ему ничуть не мешали, разве что сапоги их уж очень сильно воняли гуталином.

Завязка Большой Драки, навечно оставшаяся в историографии города, произошла прямо на глазах у Кости. Трое местных главарей, ребят отпетых во всех отношениях, сунулись по какой-то нужде в застекленную дверь центрального входа, за которой клубился мрак, усугубленный густым туманом. Одеты они были по моде того времени в невероятно расклешенные брюки и белые нейлоновые рубашки.

Тут же зазвенело высаженное стекло, послышались крики, и вся троица кинулась обратно. У последнего из бегущих от его замечательной рубашки остались только манжеты да ошейник воротничка. За ними, словно серые ангелы возмездия, неслись солдаты, сверкая латунными бляхами ремней, намотанных на кулаки. Все они сплошь были смуглы и усаты. Некоторые, сбросив шинели и гимнастерки, сражались как берсеркеры, обнаженными по пояс. В их разноязычных воплях ясно разобрать можно было только одно: «...твою мать!..»

Однако какой бы внезапной и сокрушительной ни оказалась атака регулярных сил, она была отбита с заметным уроном для нападавших. В зале гремел оркестр, состоявший из контрабаса, трубы, аккордеона, двух гитар и ударной установки, а в фойе трещали челюсти,

матюкались окровавленные рты и пронзительно визжали виновницы всего этого бедлама – легкомысленные городские барышни.

Костя быстренько завязал на подбородке тесемки ушанки, вооружился стулом, но в первые ряды пробиваться не спешил. Он был убежден, что слава сама должна искать героев, а не наоборот. Косте пришлось лицеизреть, как одного из его знакомых воткнули головой в самый центр громадного зеркала, возле которого в мирное время прихорашивались сразу по трое-четверо девчонок. Когда все стекло мелкими осколками осыпалось вниз, лицо человека-тарана засверкало свежей кровью, как елочный шар. В двух метрах от Кости бравому черноглазому сержанту оторвали левый ус. Драку он продолжал, имея под носом багровый безобразный комок. В фойе Костя получил первые два удара, смягченные, впрочем, ушанкой, и взял первый трофей – солдатский ремень из кожзаменителя с надписью на внутренней стороне «ДМБ – 66».

Тем временем силы противника прибывали со скоростью примерно одной единицы в три секунды – столько времени требовалось очередному солдатику, чтобы проскочить узкий вестибюль, в котором не только стекло, а даже дверей уже не осталось. (Позднее стало известно, что в тот вечер к Дому культуры прибыло не менее трех сотен мстителей – две роты в полном составе.) После новой отчаянной схватки доблестные защитники фойе были выбиты в танцевальный зал, переполненный людьми, как улей пчелами. Знойная мелодия «Аргентинского танго» оборвалась на полуноте...

То, что происходило в дальнейшем, слилось для Кости в сплошной, нескончаемый кошмар, картины которого ежесекундно рассыпались и тут же складывались по-новому. Он стал свидетелем истинного героизма и образцов самой подлой трусости. Свет то гас, то снова загорался. Шанцевый инструмент с пожарного щита и огнетушители разошлись по рукам в мгновение ока. Крашенные суриком ломы и багры крушили как защитников, так и нападающих. Струи рыжей пены слепили глаза и превращали праздничную одежду в вонючие лохмотья. От оркестра остались только дырявый барабан и обломанный гитарный гриф.

Неведомо откуда в Костиных руках оказался металлический штырь от пюпитра, на котором музыканты имели привычку раскладывать свои ноты, и он рубился им, как шашкой. Рубашка присохла к кровавым пятиконечным ушибам на спине и плечах, но уже три с боем взятых ремня украшали его чресла.

То, что казалось вечностью, на самом деле длилось не больше часа. Драка выдохлась сама собой, как выдыхается испепеливший все лесной пожар. Солдаты удовлетворили чувство мести и, волоча своих раненых, исчезли во мраке. Бедолагам предстояло еще пройти шесть километров по скользкой дороге, в конце которой их ожидали крупные неприятности, гауптвахта, лишение отпусков и увольнений, а некоторых – суд и дисбат.

Горожане зализывали раны в собственном логове. Дом культуры представлял ужасное зрелище. Такому разору, наверное, не подвергалась ни одна синагога в Третьем рейхе. Не уцелело ни единого стекла, ни единого стула. Недавно окрашенные стены теперь напоминали полотна абстракционистов, преобладающими тонами в которых были рыжий и багровый. Пол был усыпан выбитыми зубами, ботинками, туфельками, обрывками блузок и галстуков, эмалированными звездочками, кусками угля и раздавленными очками. Из кабинета директора появился благополучно хоронившийся там участковый и стал в растерянности осматривать совершенно изменившийся интерьер вверенного его попечению очага культуры.

Защитники, убедившись, что враг уже не вернется, стали понемногу покидать свой бастион. У входа появились две машины «Скорой помощи». Возле всех окрестных колонок обмывались пострадавшие.

На следующий день один из вражеских голосов передал сообщение о Большой Драке в эфир, исказив при этом название населенного пункта, и в клеветнических целях приписал конфликту политическую подоплеку.

Армия в пожарном порядке отремонтировала многострадальный Дом культуры (первый и последний раз в жизни Косте пришлось видеть, как прапорщики моют полы, а капитаны стеклят окна) и даже приобрела прекрасный комплект музыкальных инструментов взамен уничтоженных. Однако много лет после этого танцевальные вечера в городке не проводились. Табу было наложено не только на твист, но и на все другие виды дрыгоножества.

Самое удивительное в этой истории оказалось то, что все обошлось без жертв. Правда, носов, челюстей и пальцев было перекалечено без счета...

Глава 9 Разгром

Следующее по времени Костино увлечение с первого взгляда могло показаться несколько странным. Оно вызрело как реакция на школьную скуку, когда все другие развлечения: «крестики-нолики», «морской бой», «двадцать одно», балда и кроссворды – были уже исчерпаны. Начиналось все это как безобидная игра, в которую вскоре втянулось и население трех-четырех ближайших парт. Игра шла в хунвейбинов.

Кровь на Даманском еще не пролилась, и то, что творилось в некогда дружественной, а теперь всячески охаиваемой стране, казалось школьникам веселым маскарадом и забавными приключениями. Ну какие пацаны откажутся громить райкомы, водить на веревке по городу своих учителей, огромными буквами писать на заборах все, что приходит в голову, и хором скандировать всякую белиберду?

Идейным обеспечением для самозванных хунвейбинов служили несколько томов собрания сочинений Мао, похищенных в тот момент, когда идеологически вредные книги по особому списку изымались из школьной библиотеки. Вскоре Костя и его друзья при каждом удобном случае к месту и не к месту стали цитировать афоризмы Великого Кормчего. На внутренней стороне откидной крышки Костиной парты был вырезан бессмертный лозунг «Винтовка рождает власть». После окончания урока вслед измученному учителю неслись афоризмы, разъясняющие тактику партизанской войны: «Враг приходит, мы уходим. Враг остается, мы его беспокоим. Враг уходит, мы возвращаемся». Все уроки напролет на задних партах малевались дацзыбао, направленные против преподавателей и отличников. Пригодились и Костины способности к стихосложению. Он сделал вольный перевод гимна бойцов «культурной революции». Припев там был такой: «Как в туалете не обойтись без бумаги, в бурном море не обойтись без Кормчего».

Вершиной его поэтических экзерсисов в ту пору по праву считался марш хунвейбинов, написанный на популярный мотив хали-гали. Начинался он так:

Ты приезжай, йе-йе,
В сухую Гуандунь.
Риса там нет, йе-йе,
Песок, куда ни плюнь.
Я голодал, йе-йе,
Сухой навоз жевал,
Но идеи Мао никогда
Нигде не забывал!
Йе-йе-йе, хали-гали...

Ну и так далее. Тем не менее Костя сумел добиться лишь клички Линь Бяо. Председателем Мао большинством голосов избрали рыхлого, плаксивого и мнительного Петю Драчева, больше других в классе похожего на китайца. Главным ревизионистом был назначен тихий и безответный еврей Рувик Гланц, отличник по всем предметам, кроме физкультуры. После уроков ему вешали на шею свежий дацзыбао с перечислением всех мыслимых и немыслимых грехов, выводили в школьный двор и заставляли публично каяться, приседая при этом на одной ноге или подтягиваясь на перекладине. Приседать Рувик еще кое-как приседал, но на перекладине висел, как сосиска. Нельзя сказать, чтобы он саботировал волю коллектива. Наоборот, он вкладывал в попытки подтянуться все свои жалкие силенки. Каждая его тонюсенькая мышца лихорадочно трепетала, черные глаза излучали древнюю иудейскую скорбь,

голенастые ноги дрыгались, как у висельника, но тело ни на сантиметр не подавалось вверх. Выглядело это настолько комично, что не только хунвейбины, но и посторонние зрители захлебывались от смеха. Обычно муки Рувика на этом и заканчивались. Его осторожно снимали с перекладины, отряхивали и в виде компенсации даже соглашались сыграть с ним в шашки, на что в обычных условиях вряд ли кто решился бы. Быстро и без всякой радости обыграв всех соперников, Рувик уходил – все такой же печальный, тихий и пришибленный. (Так он и в Штаты уехал – с затаенной обидой, ни с кем не простившись. Говорили, что там он закончил престижный колледж и устроился конструктором в НАСА.)

Хунвейбины тем временем обнаглели до крайней степени. Как иногда на дружеской вечеринке шуточная потасовка перерастает в безобразное мордобитие, так и невинная поначалу забава превратилась постепенно во что-то совершенно иное. У Мао-Драчева, за которым теперь постоянно следовала свита прихвостней, даже походка изменилась. Утирая рукавом сопливый нос, он вещал загадочные фразы, напоминавшие высказывания Председателя только по форме. Одного его слова было достаточно, чтобы вся свора набросилась на очередного «правого элемента», накануне отдавившего Пете ногу или не позволившего ему откусить от своей булочки.

Костя, по уши погруженный в создание эпохальной поэмы о роли Цзян Цин в создании китайской атомной бомбы, эти опасные метаморфозы заметил слишком поздно. Дружеские увещевания и даже шуточные тычки под ребро не возымели действия. Драчев как-то странно глянул на него своими раскосыми глазами и с пафосом заявил: «Два тигра в одной бамбуковой роще не уживутся». Вокруг Кости сразу образовался некий вакуум. Первые признаки опасности он ощутил, когда среди посвященных прошел слух о подготовке внеочередного пленума, призванного искоренить «тайную антипартийную клику». (Все пленумы, как очередные, так и внеочередные, проходили в заброшенной котельной, где имели привычку опохмеляться по утрам алкозависимые работники местного коммунального комбината. Пустая тара являлась основным источником пополнения партийной кассы.) А уж когда было обнаружено свежее дацзыбао, прямо называвшее Костю «империалистическим прихвостнем, последователем Пэн Дэхуая и противником линии по исправлению стиля», он решил упредить надвигающуюся расправу. Не надеясь на свои собственные силы (даже самых задушевных его приятелей заразило это безумие), Костя провернул операцию, в среде борцов за чистоту партийных рядов вполне традиционную, но по человеческим меркам – подленькую, то есть попросту подсунил анонимку под двери школьного комитета комсомола.

Реакция последовала мгновенная и неадекватная. Участь хунвейбинов можно было сравнить разве только с судьбой другой молодежной организации, за двадцать лет до этого действовавшей в городе Краснодоне, разве что в шахту никого не сбрасывали. Всех заговорщиков подвергли допросу с пристрастием. Томики Мао, дацзыбао и партийный архив, представлявший собой записную книжку Пети Драчева, изъяли сразу, однако оружие, валюту и множительную технику безуспешно искали после этого еще целую неделю.

Громкого дела, впрочем, не получилось – времена были уже не те, да и уполномоченный госбезопасности, недавно уже наказанный за политическую близорукость (на историческую родину внезапно отчалила заслуженная учительница республики Роза Борисовна Пинская, в прошлом первая пионерка города, подпольщица и член бюро райкома партии), решил не дразнить попусту вышестоящих баранов. Все шишки обрушились на несчастного Драчева, признанного вдохновителем и организатором преступного сговора. Его одного поперли из школы. По отношению к остальным хунвейбинам ограничились головомойкой. Костю вообще не тронули. Анализ дацзыбао не позволял определить, кто же он на самом деле – жертва или преступник. Постепенно шум улегся, но Костя, раздружившийся с Петей, еще долго с волнением отыскивал в газетах все, что касалось событий к Китаю. Закончилась эта эпопея, как известно, печально: ошельмованных хунвейбинов загнали в трудовые коммуны,

маршал Линь Бяо сгорел в небе над Монголией, Цзян Цин попала в жесточайшую опалу, а идеи Мао зачихали если не по форме, то по существу.

А Петя Драчев каким-то образом закончил Духовную семинарию и принял захудалый приход, затерявшийся среди болот Полесья. Священник из него, по слухам, получился неплохой, хоть и пьющий (последнее и неудивительно, если учесть, что подношения от паствы поступали главным образом в виде свиных колбас и самогона-первача). Лишь иногда, пугая домочадцев, он начинал нести какую-то ахинею о «собачьей банде правых оппортунистов» и «бумажных тиграх».

В возрасте шестнадцати лет Косте, уже успевшему проштудировать Ремарка, Хемингуэя и кое-что из Фолкнера, попала в руки затрепанная «Роман-газета». Длинное и сухое название напечатанной в ней повести не обещало юному литературному гурману ничего особенного. Какой такой «Один день...»? Совсем другое дело, если бы речь шла про ночь, лучшую подругу бандитов и влюбленных. Однако Бася Соломоновна, сделавшая Косте этот презент, повела себя как-то странно. «Возьми, тебе должно понравиться». Сказав это, она отвела глаза в сторону, как делала всегда, выдавая несовершеннолетним читателям книги, содержавшие постельные сцены или зубодробительно-кровопускательные приключения.

Тема повести в принципе не была для Кости каким-то откровением. И до этого ему приходилось слышать рассказы старых и не совсем старых людей о том, как перед войной «очищались» приграничные территории (волки так не чистят овечьи стада!); как после каждого совещания партхозактива председатели колхозов и директора заводов прощались друг с другом, не уверенные в том, что им придется встретиться завтра; как ночью, заслышав шум редкого тогда автомобиля, люди поголовно вставали и одевались, а если кара, миновав их, обрушивалась на дом соседа – с облегчением вздыхали и садились пить чай.

Однако это были всего лишь слова, а верить словам старших продолжали только самые наивные девчонки. Нет, никто не собирался уличать их во лжи, но то, о чем вещали учителя, лекторы и дикторы радио, настолько разительно не совпадало с действительностью, что воспринималось примерно так же, как утреннее умывание – акт бессмысленный, но в силу каких-то малопонятных условностей необходимый.

Зато в то, что было напечатано тусклым шрифтом на желтой газетной бумаге, Костя поверил сразу и безоговорочно. Был как раз тот случай, когда каждое слово било в цель если не как пуля, то как маленькая раскаленная дробинка. Усатое божество погибло для Кости во второй – и в последний раз.

Закончив чтение, он мысленно поблагодарил автора, чем, безусловно, оказал ему медвежью услугу. Еще Костя подумал о том, что человеку, посмевавшему сразиться с этим чудовищем – пусть даже мертвым, – можно простить гораздо больше, чем пресловутая кукуруза, никогда не выраставшая в этих краях выше чем на метр, бесконечные «прерываемые бурными и продолжительными аплодисментами» пустопорожние речи, вышитые украинские сорочки и развал всего, что еще можно было в стране развалить.

Реакция некой трансцендентной канцелярии, ведающей расстановкой землян на всех постах, начиная от последнего нищего и кончая папой римским, не заставила себя долго ждать – отца семилетки, творца совнархозов и покорителя космоса той же осенью взяли к ногтю (народ, наивный, как дитя, бурно приветствовал это событие), а звезда усача малопомалу вновь начала восходить.

Вот так Костя и жил. Любил битлов, Высоцкого, Че Гевару, братьев Стругацких, сборную страны по футболу, сырокопченую колбасу, вольную волю, арабских друзей-союзников и свою непутевую родину. Недолюбливал Пьеху, Александра Казанцева, подлых людей, сионистских агрессоров и перловую кашу.

Выводы делайте сами.

Глава 10 Каторга

Поезд гудками судьбу материл,
Нас на перрон ссадили.
Кругом расстилался чужой материк,
Самая глубь Сибири.
Здесь звезды светили наоборот,
Туман над сопками вился.
И тут я понял – переворот
В моей судьбе совершился.
Отсюда Дели ближе, чем Брест.
Те сопки – уже в Китае.
Шесть тысяч верст – в этом что-то есть,
Вот ведь беда какая...

Эти строки экспромтом родились в бритой наголо Костиной голове светлой июньской ночью, когда на глухом разъезде Транссибирской магистрали воинскую команду, в которой он состоял, перегружали из теплушек в крытые армейские грузовики.

Весь долгий и тряский путь они горланили песни и бутылку за бутылкой пускали по кругу водку, купленную на последние – и уже ненужные – деньги в ресторане иркутского вокзала. Сержанты, по двое сидевшие в каждой машине, веселью не препятствовали, но и участия в нем демонстративно не принимали. Костя случайно перехватил взгляд одного из них, искоса брошенный на новобранцев, и столько в этом взгляде было равнодушного презрения, что его мороз по коже продрал. Так, наверное, римские легионеры смотрели на пленных галлов или фракийцев.

Наконец машины замедлили ход, и передняя требовательно просигналила. Под шинами зашуршал асфальт. К этому времени чистая вода рассвета уже окончательно растворила ночной сумрак, и Костя, сидевший впереди, у самой кабины, через щелку в брезенте обозрел местность, которая на ближайшие пару лет должна была стать для него домом, школой и каторгой одновременно.

Представшая его взору картина могла ошарашить кого угодно. За бетонным забором, увенчанным козырьком из ржавой колючки, тускло поблескивали серебристые купола, своими размерами мало в чем уступающие египетским пирамидам, а между ними торчал лес антенн самых немыслимых размеров и конфигураций.

Сырое и серое земное небо печально взирало на всю эту зловещую марсианскую технику.

Дальнейшие события этого памятного дня разворачивались с бездушной механической слаженностью, свойственной тюрьмам, казармам и убойным цехам мясокомбинатов. Рекрутов загнали в унылое кирпичное строение, о назначении которого красноречиво свидетельствовали высокая закопченная труба и покрашенные известкой окна. (Многочисленные смотровые щели, сделанные в матовой поверхности стекол, указывали на то, что здесь раз в неделю проходят помывку офицерские жены и дочери.) Тут их заставили раздеваться, недостриженных достригли, пьяных кое-как протрезвили, после чего всех загнали под горячий душ, снабдив предварительно крошечными кусочками хозяйственного мыла.

Тем временем целая свора старослужащих, именованная «комиссией по утилизации неформенного вещевого имущества», отдирала подметки у их ботинок и кромсала на лоскутья их пиджаки и брюки, отдавая, впрочем, приоритет вещам поплоче. Как только двое заспанных офицеров, назначенных приглядывать за порядком, вконец раззевались и вышли на воздух покурить, разрушительная деятельность мгновенно сменилась созидательной – все годное для ношения барахла было упрятано в заранее приготовленных тайниках. Затем настала очередь багажа. Тут уж пошло натуральное мародерство. Одеколон, электробритвы, консервы и чай как ветром сдуло. В одном из чемоданов обнаружилось громадное количество пилюль и таблеток. «Колеса! – уверенно заявил какой-то ефрейтор, распахивая лекарства по карманам. – Ну и побалдеем!» На возвращающихся в предбанник голых хозяев всего этого имущества внимания обращалось не больше, чем на мокриц, копошившихся в углублении водостока. Да и недосуг было новобранцам бросаться сейчас на защиту своего немудреного барахла – коптеры уже приступили к раздаче обмундирования. Действовали они по принципу «Бери, что дают».

– Как же я это носить буду? – удивился Костя, примеряя галифе, необъятные, как порты Ильи Муромца.

– Ничего, с кем-нибудь поменяешься, – хладнокровно ответили ему.

– А почему кальсоны без пуговиц?

– Потому, что ты рылом не вышел, – окончательно срезал его коптер, который лично своим рылом мог законно гордиться – не во всякий унитаз оно бы пролезло.

Особенно туго пришлось болезненно-полному мальчику интеллигентного вида (похищенные лекарства, надо полагать, принадлежали именно ему). Обрядить толстяка кое-как обрядили, но вот с обувкой вышел конфуз – перед его пухлыми икрами спасовали самые просторные кирзовые голенища. Два дюжих коптера, словно инквизиторы, пытающие еретика с помощью испанского сапога, рыча от злости, трудились над ним – и все тщетно! Выход был найден по-армейски простой. Плачущего мальчика всунули в огромные постовые валенки, в коих ему пришлось впоследствии проходить по жаре целую неделю, пока гарнизонный сапожник не вставил клинья в сапоги подходящего размера.

Часам к восьми новобранцы были кое-как экипированы. Их строем погнали на завтрак, калорийность которого, рассчитанная на строго научной основе, была основательно поубавлена стараниями начпрода, завстоловой, поваров и еще великого числа других людишек, к пищеблоку никакого отношения не имевших, но постоянно возле него ошивавшихся.

Если (условно говоря) для бойцов-первогодков солдатская служба, которую и так-то медом не назовешь, имеет вкус пота пополам с черным хлебом, то для новобранцев, прямо от маминой юбки угодивших в учебную роту, или, как принято говорить, – «в карантин», она оборачивается полынью и уксусом. Никогда в жизни, ни до, ни после этого, Косте не приходилось слышать ничего более отвратного, ничего более неприемлемого его организму, чем молодецкий выкрик дневального «Р-р-рота, подъем!», Этот вопль разделял бытие на спасительный сон и жуткую явь, он возвращал душу, сумевшую за ночь вкусить толику покоя, в ноющее, не успевшее отдохнуть тело. Все последующие шестнадцать часов состояли из построений, проверок, осмотров, марш-бросков, подтягиваний на перекладине, вдалбливания уставов, рытья траншей, уборки туалетов, хорового исполнения строевых песен душераздирающего содержания и бессмысленной, выматывающей шагистики, после которой просоленная потом гимнастерка стояла колом.

Краткой разрядки нельзя было достичь даже в нужнике, ибо посещать его можно было только с разрешения начальства и на строго ограниченное время.

Особенно ненавистна Косте была процедура отхода ко сну, которая хоть и определялась фразой «отбой – сорок пять секунд», на самом деле могла растянуться на час и даже более. Добраться в давке до своей койки, раздеться, в идеальном порядке уложить обмундирование

на табуретку, обернуть портянки вокруг голенищ, успеть нырнуть под одеяло – и все это за три четверти минуты! – представлялось Косте делом таким же трудновыполнимым, как, к примеру, бег по вертикальной плоскости. Ради выработки чувства здорового коллективизма результат отбоя засчитывался по последнему. Если запаздывал хотя бы один человек, вся процедура повторялась вновь.

Первое время пищи не хватало катастрофически – очевидно, сказывалась громадная потеря энергии. На столе, за который усаживалось сразу десять человек, не оставалось ни крошки. В сладких грезах Костя представлял себе, как, вернувшись домой, купит целую буханку белого хлеба, разрежет ее на положенное количество ломтей, на каждый ломоть выложит по тридцать граммов сливочного масла, добавит два кусочка сахара, а потом станет неторопливо пожирать эти сокровища, не опасаясь, что их отнимет какой-нибудь шустрый дембель.

Однажды, во время дележа порционной селедки, Костя зазевался, и когда очередь дошла до него, посреди алюминиевой тарелки красовался один-единственный кусочек, на который вдобавок претендовал и сидевший напротив тихий парнишка по кличке Шахтер (он почему-то чаще других попадал на разгрузку угля). За тарелку оба они ухватились одновременно, но серия обоюдных рывков победителя не выявила. И тогда в перестук ложек и дружное чавканье ртов вплелся новый звук – утробное звериное урчанье, похожее на то, которое издает кот, у которого отнимают добычу. Костя перевел взгляд с селедки на соседа и ужаснулся хищному оскалу, перекосившему его лицо. Нечто сходное, наверное, увидел и Шахтер, потому что отпущенная на волю тарелка тотчас рухнула на стол и никто к ней больше не прикоснулся до самого конца обеда.

Тем не менее никогда еще Костя не писал столько стихов, как в эти мучительные дни.

Я не помню маму,
Я не помню детства.
Кругом сосны да ели.
Никуда мне не деться.
Мне ночами не снится
Ни школа, ни дом.
Я всю ночь ожидаю
Крика «Рота, подъем!».
Книги, песни и краски
Меня не влекут.
Меня учат сержанты,
Как ногу тянуть.
Как стоять в карауле
И как честь отдавать,
Что любить, во что верить
И кого презирать...

Месяца «карантина» вполне хватило Косте, чтобы горячо и искренне возненавидеть армию. Как и следовало ожидать, вскоре это дало впечатляющие результаты. Никогда еще во второй половине двадцатого века «непобедимая и легендарная» не добивалась таких блестящих успехов. Как ни прыгали на рубежах обнаглевшие маоисты, а землицы нашей им досталось ровно столько, сколько может захватить скрюченная агонией ладошка. Бросок на Прагу даже натовские эксперты вынуждены были оценить по достоинству. Во Вьетнаме от «фантомов» только пух да перья летели (неужели вы думаете, что те зенитные ракеты або-

ригены запускали?). Да и в Египте наши военные инструктора не подкачали – из всяких феллахов да бедуинов взрастили победоносную армию.

Эти два года свободно могли стать годами незабываемой воинской славы. Жаль, не догадались наши стратеги, что им такая халява открывается. До Атлантики можно было дойти! До Персидского залива! Эх, упустили шанс... Но все равно – ура!

Глава 11

Вор

За пару дней до принятия присяги учебную роту стали посещать офицеры из различных служб, имевшие нужду в пополнении своего контингента. Начальник штаба искал писаря, завгар – водителей со стажем, военврач – фельдшера, особист – стукачей, комендант – просто здоровых лбов, умевших и любивших крутить чужие руки.

К этому времени новобранцы уже усвоили, что участь салаги, начинающего службу на общих правах, равносильна судьбе Золушки, какой она была до встречи с феей. На его хилые плечи неизбежно лягут все повинности по уборке отхожих мест, все наряды на кухню, все караулы и вообще вся черная работа, которой в армии предостаточно. Кроме того, его пайка будет бессовестно урезаться в пользу старослужащих. Спасением могла стать только престижная, доходная или редкая должность, как то: свинарь, кочегар, повар, почтальон, каптенармус, хлеборез. С завистью рассказывали о вольготной жизни экскаваторщика, обитавшего в землянке при песчаном карьере в десяти километрах от части, но зато в пятистах метрах от женского общежития. Однако все эти клевые местечки были сплошь забиты дембелями и освободиться могли не раньше осени. Оставалось надеяться на случай.

Случай этот явился Косте в образе инженер-капитана Кочкина, ведавшего в части всем, что имело отношение к материально-техническому снабжению. Есть люди, на которых самый заурядный костюм смотрится как кавалергардский мундир. Кочкин к таким не относился. Даже в парадной форме он выглядел безнадежным штафиркой. И вообще, если бы его очки можно было заменить на пенсне – получился бы вылитый Пьер Безухов. Известно, что судьба обожает шутить с людьми всякие странные шутки. Видимо, именно благодаря одной такой шутке безвредный лентяй Кочкин оказался в должности, на которой не каждый армейский шакал усидит.

В данный момент ему нужен был заведующий складом радиотехнического имущества – расторопный, честный, а главное – непьющий. («У меня на складе одного спирта сто сорок две бочки». На это особенно нажимал Кочкин.) Предыдущий завскладом впал в безнадежный запой и был совсем недавно списан в хоззвод на должность конюха.

Не встретив в казарме учебной роты никого, кроме оставленного на дневальство Кости, добродушный Кочкин подробно изложил ему цель своего визита. Такую удачу упускать было нельзя!

Юный Жмуркин горячо заверил инженер-капитана в том, что всю жизнь только и мечтал работать на складе, а особенно – радиотехническом, что отец его тоже был кладовщиком, а мать бухгалтером в снабжении и всю эту кухню он, Костя, досконально знает с детства. Ударили по рукам, и через три дня новоиспеченный завскладом уже стоял перед необъятными стеллажами, забитыми чем-то таким, о чем он даже представления не имел. (Воинская часть, в которой оказался Костя, кроме обычного цифрового обозначения, имела еще и название – «Научно-исследовательский пункт по слежению за космическими объектами», и потому сюда чуть ли не железнодорожными составами перли всякое электронное оборудование, большая часть из которого так и оставалась невостребованной.) Кроме собственно склада радиодеталей, где хранилось имущество без малого семи тысяч наименований, на Костино попечение достались склады инструментов, кинофотоматериалов, измерительных приборов, списанного оборудования и, главное, – спирта.

Проведенная втихаря поверхностная инвентаризация, а вернее – самопроверка, обнаружила зияющие пробелы. Не хватало дюжины топоров и ножек, сотен радиоламп, тысяч транзисторов, километров магнитофонной пленки, многих литров лака и почти центнера краски. Только со спиртом они так и не смогли толком определиться. Его действительно

было так много, что даже суточные колебания температуры давали излишек или недостаток в несколько килограммов. Плотность спирта в каждой отдельной бочке мог определить только лабораторный анализ, невозможный в условиях части. Вконец запутывал ситуацию разнорядной в сортах – был тут спирт-ректификат и спирт-гидрат, что не одно и то же даже для самого последнего пьяницы. Так и осталось тайной, сколько этого добра сумел вылакать Костин предшественник, прежде чем симптомы поразившей его белой горячки стали очевидны для всех.

Задача, поставленная Косте Кочкиным, была такова: во-первых, не допускать дальнейшего разбазаривания имущества, во-вторых, сделать все возможное для покрытия уже имеющейся недостачи. Третий пункт Костя домыслил сам, но обнаружить не стал: пользуясь своим положением, прожить эти два года если не весело, то хотя бы без забот. Забегая вперед, надо сказать, что все три условия он выполнил. Хотя и при нем было украдено немало, проведенная перед демобилизацией ревизия показала, что на складах царит полный ажур.

Воровали в этой части, кстати говоря, все, кто только мог что-либо украсть. Только одни крали по-крупному и смело, а другие по мелочам и с оглядкой. Самым отъявленным воров по праву считался заместитель командира по тылу полковник Нестеров. Впрочем, он этого и не скрывал. По его гладкой роже постоянно блуждала глумливая воровская улыбка. Однажды, заскочив по какому-то делу на Костин склад, он узрел на его столе дивный морской хронометр, заключенный в ящик из красного дерева. Ни слова не говоря, Нестеров жестом опытного ширмача мигом смел хронометр в свой объемистый кожаный портфель.

– Товарищ полковник! – взмолился Костя. – Он же за складом числится!

– Жмуркин, Жмуркин, ты не забывайся, – скороговоркой осадил его Нестеров. – Если надо будет, я не только это барахло, я тебя самого спишу.

Заместитель по тылу не брезговал ничем – крал бензин, поросят, пиломатериалы, обмундирование, хлеб, огурцы (не поштучно, конечно, а центнерами), медикаменты, списанные автомобили и так далее.

Не вызывало сомнения, что он с кем-то делится, иначе откуда бы взялась такая наглость. Даже на особиста, который со зловецким видом нередко прогуливался возле свинарника или автопарка, ковыряясь палкой в мусорных ямах и скотомогильниках (при этом он был похож отнюдь не на Эркюля Пуаро, а на обыкновенного бомжа), Нестеров демонстративно плевал. Тем более не являлся для него авторитетом занудливый и злопамятный начальник штаба, начинавший службу коноводом еще у Буденного. Был случай, когда одна из имевшихся в хоззведе лошадок – не то Бидон, вывозивший отходы с кухни на свинарник, не то Роза, вывозившая конечный результат переработки этих отходов со свинарника на огороды, – посмела загадить плац. Следы этой диверсии первыми обнаружили зеленые навозные мухи, а вторым, всего за полчаса до общего построения, начальник штаба.

– Когда же будет положен конец этому сраму! – воззвал он к командиру части генерал-майору Глазенапу-Граве (по слухам, потомку остзейских баронов, доктору наук и лауреату премии Анри Галабера за выдающиеся достижения в освоении космического пространства). – Если так и дальше пойдет, скоро прямо на крыльцо штаба гадить станут!

– Ты, таблеточник, не кукарекай, – спокойно возразил Нестеров, заходя за спину генерала и говоря как бы от его имени. – Подумаешь, проблему выискал. Взял бы лопату, да и сам убрал тихонечко. За кобылой Буденного небось не брезговал говно подбирать.

Генерал, которого проблемы двойных и переменных звезд занимали куда как больше, чем этот спор, только тяжело вздохнул и ничего не сказал. Дряхлый, слабогрудый начальник штаба схватился за сердце и, шатаясь, ушел писать жалобу министру обороны. Как всегда ухмыляющийся, Нестеров сунул на утверждение командиру очередной акт о падеже поросят. Унынию он вообще никогда не поддавался. Жизнь для него давно стала светлой песней и осуществленной мечтой.

Старшие офицеры – начальники станций и лабораторий – в основном крали спирт, хотя и прочими мелочами не брезговали. В какой-то мере их оправдывало то, что делалось это не корысти ради, а по телесной нужде – в военторге алкогольными напитками торговали исключительно по спискам, а до ближайшего магазина было верст десять с гаком.

Для проведения регламентных работ, в зависимости от типа станции, выделялось от десяти до пятнадцати килограммов девяностошестиградусного зелья, но до контактов и разъемов доходила едва ли бутылка-другая. Случалось, что глубокой ночью Костю будил какой-нибудь майор или подполковник в накинутах прямо поверх белья кителе и заплетающимся языком просил:

– Константин, выдай, ради бога, за август месяц. Позарез нужно. – При этом эмалированный чайник в его руке жалобно дребезжал.

– Да вы, Иван Иванович, наверно, рехнулись, – протирая глаза, отвечал Костя, сам не всегда трезвый. – Июнь еще на дворе. Да и часовой возле склада стоит. В караулке нужно допуск брать.

– Константин, это мы все уладим. Твое дело черпать и наливать.

Черпание и наливание в целях конспирации всегда происходило в темноте, что заранее снимало с Кости обвинения в умышленном недоливе. Да и недосуг было счастливому владельцу чайника считать граммы – душа ведь горела!

Поначалу Костя старался не наглеть. Сначала нужно было присмотреться к обстановке. Публику, прибывшую к складу при прежнем хозяине, он не отшивал, но и не перекармливал. Посетив конюшню, где его предшественник расчесывал хвост знаменитого Бидона, Костя выведал у него немало профессиональных тайн. В ближайшие помощники себе он взял латыша Лаузиса, до армии успевшего окончить радиотехникум. Тот не только научил своего молодого босса отличать диоды от триодов, а вольтметры от осциллографов, но и частенько развлекал его игрой на гитаре. По-русски Лаузис изъяснялся через пень-колоду, и поэтому тексты всех популярных тогда песен были записаны у него в специальной тетрадке в латинской транскрипции. Под номером первым числился «Альтаир», под последним, тридцать пятым, – «Эти глаза напротив». Стоило только назвать правильный номер, и Лаузис, раскрыв свою тетрадку, с жутким акцентом, но очень проникновенно исполнял заявку. Содержание песни его совершенно не занимало.

Тот же Лаузис, призванный на год раньше Кости, указал ему на многих потенциальных клиентов. Заведующий санчастью скупал магнитофонную пленку хорошего качества, капитан Ловцов – электроды от списанных радиоламп, вольнонаемный теплотехник Бурый – слесарный инструмент, прапорщик Барбакадзе – все, что потом можно было с выгодой перепродать.

Система списания ушедшего налево имущества была настолько же проста, насколько и эффективна. К примеру, на склад являлся какой-нибудь недавно назначенный начальник станции, которому позарез был нужен один-единственный транзистор. Костя доброжелательно и подробно разъяснял ему систему деятельности службы снабжения. Вначале полагалось составить подробную и мотивированную заявку. Затем ее требовалось утвердить у вечно загруженного делами заместителя командира части по измерениям. С надлежащим образом оформленной заявкой нужно было отправляться в бухгалтерию на розыски делопроизводителя Нины (была она молодой вдовой, имела двух детей-дошкольников, сама отличалась слабым здоровьем, считалась любовницей полковника Нестерова и в силу всех этих обстоятельств своими служебными обязанностями манкировала без зазрения совести). Однако даже тот, кто умудрился вырвать у Нины вожделенную накладную, радовался преждевременно. Внезапно выяснялось, что имущество можно получать только дважды в неделю, в строго определенные часы, почему-то всегда совпадающие то с политзанятиями,

то с учениями по химической защите, то еще с какой-нибудь аналогичной напастью. Промаявшись таким образом немалый срок, несчастный офицер или вовсе отказывался от своей затеи, или, следуя доброму совету сослуживцев, шел к Косте на поклон. Тот самолично выписывал бедолаге так называемую «открытую накладную», в которую заносил все, что требовалось клиенту. Закрывая накладную в конце месяца, он добавлял в нее и кое-что лично для себя. С этими поборами все привыкли мириться, как собака привыкает мириться с блохами. Так велось со времен основания части, а как известно, не нам отменять то, что не нами заведено. Пользы от этого не будет.

Особенно повезло Косте, когда покончил жизнь самоубийством начальник одной из самых крупных и загадочных станций, по слухам, пытавшейся работать с американскими космическими объектами. Мысленно испросив у покойника прощения, Костя списал на эту осиротевшую станцию чуть ли не полсклада.

Злоупотребления в системе снабжения должна была выявлять комиссия по инвентаризации, регулярно собиравшаяся каждые полгода. Давно прикормленные офицеры, и сами нередко гревшие здесь руки, рассаживались вокруг самого большого стола, снимали кителя, а нередко и сапоги, после чего целый день резались в карты, попутно балуясь дармовым спиртом. В это время Костя самолично составлял акт, который в свой срок дружно подписывался всеми членами комиссии.

Осечка случилась всего один раз, да и осечкой-то этот анекдотический случай можно было назвать с большой натяжкой. Кто-то из постоянных членов комиссии заболел, и на его место назначили молодого, только что прибывшего из училища лейтенанта. Спирта он не пил, в карты не играл и, проинструктированный каким-то штабным дураком, рвался в бой, как застоявшийся конь. Дабы остудить пыл, ему поручили пересчет резисторов. За три дня лейтенант действительно пересчитал все двадцать восемь тысяч штук (некоторые были величиной меньше пшеничного зерна), выявив недостачу четырех единиц. Тогда его послали перемеривать огнестойкую ткань, завезенную сюда неизвестно в какие времена и непонятно с какой целью. Спустя два дня Костя с удивлением узнал, что этой ткани имеется в наличии действительно одна тысяча шестьдесят три погонных метра, как это и значилось в амбарной книге. С молодым энтузиастом надо было что-то срочно делать.

В конце следующего дня председатель комиссии лично засунул в карман его плаща бутылку технического скипидара. Пробка в бутылке держалась, что называется, на честном слове. Лейтенант, одеваясь, лихо взмахнул полой плаща и невольно издал сдавленный стон – бутылка ударила его по бедру. Затем по складу распространился резкий смолистый запах, от которого у всех присутствующих засвербело в носу. Очень быстро было доказано, что скипидар мог быть похищен только с Костиного склада, и старшие товарищи принялись журить лейтенанта, правда, не очень строго: дескать, все мы живые люди и тебя понять можем. Тот стоял, чуть не плача от обиды и нестерпимого зуда, вызванного натекшим в галифе скипидаром, и пытался доказать свою непричастность к этому происшествию. Его, конечно же, подняли на смех. Больше лейтенант на складе не появился. А Костя отволок к гаражу председателя комиссии рулон металлической сетки, на которую тот давно глаз положил.

Нельзя сказать, чтобы Костя не ощущал угрызений совести. Ощущал, особенно в первое время. Но он был молод и потому верил в разумность этого мира, здравый смысл старшего поколения и пользу традиций. Да и как не воровать, когда все вокруг воруют? А как, не воруя, свести на складе концы с концами, если эти концы были обрублены еще задолго до его появления здесь? И как без воровства обеспечить хотя бы самым необходимым многодетную семью своего благодетеля Кочкина, который сам красть не умел и засыпался бы на первом же присвоенном шурупе? В самые мерзкие минуты Костя вспоминал слова сослуживца Швейка, повара-окультиста Юрайды: «Каждый человек в течение своей бесконеч-

ной жизни претерпевает бесчисленные метаморфозы и в определенные периоды своей деятельности должен на этом свете стать вором».

Это Костю как-то успокаивало. Ведь для того и существует литература, чтобы черпать в ней житейскую мудрость и душевный покой.

Глава 12

Конь бледный

Но не стоит думать, что Костин склад был для военнослужащих единственным источником алкогольного дурмана, против которого с разным успехом и разными методами боролись почти все видные русские государственные деятели, начиная от митрополита Фотия и великого князя Ивана III.

Тот, кто знал нужных людей и надежные места, мог запросто приобрести в части и водку, и коньяк. Правда, стоили они по эту сторону проволоки куда дороже номинала. Те же, кому денег не хватало, пользовались суррогатами. В автопарке пили тормозную жидкость. В столовке – политуру. В лабораториях – декоративный лак, которым закрашиваются паяные контакты. Каждый огнетушитель в столовой был наполнен брагой, вызревавшей на сахаре и хлебных корках. Имелись и гурманы – поклонники одеколona и сапожного крема.

Наиболее кучеряво в этом смысле жили медработники. В санчасти почти открыто хранилась двадцатилитровая бутылка со спиртом-денатуратом, голубым, как глаза киноактрисы Натальи Фатеевой. Считалось, что к этому спирту имеет доступ только начальник санчасти. Каждый раз, покидая кабинет, он накладывал свою печать на солидную винтовую пробку бутылки (почти как царь Соломон на кувшин с очередным плененным ифритом).

И вот что придумали в пику своему начальнику бедовые санбратья – недоучившийся фельдшер Федя и бывший санитар дурдома Боря. Удостоверившись в его отсутствии, они переворачивали бутылку доньшком кверху и принимались ритмично встряхивать ее. Капля денатурата шла по винтовой нарезке и падала в подставленный снизу тазик. В минуту вытекало пятнадцать-двадцать капель. Затем санбратьев сменяли больные. (Известно, какие больные лежат в санчасти – одни сачки. Настоящих больных отправляли в гарнизонный госпиталь.) Потом на помощь вызывали свободных от смены дневальных из ближайших рот. К утру набиралась четвертинка. К субботе – почти полтора литра. Можно было звать гостей.

Однажды в число приглашенных попал и Костя.

– А почему он такой синий? – спросил он, с отвращением глядя на стакан, сверкающий чистым ультрамарином.

– А чтоб не пили! – жизнерадостно ответил рыжий Федя.

– Тогда почему я его должен пить?

– Мы его уже второй год пьем и не сдохли, – успокоил гостя черный, как цыган, Боря.

Костя зажал двумя пальцами нос, закрыл глаза и опрокинул в себя адскую смесь, в которой этилового спирта как такового было, наверное, меньше, чем сивушных масел, метанола и пиридиновых оснований. Фиолетовая отравка еще бурлила в его горле, а в башке уже набатом гудел ломовой кайф.

Ах, если бы этот стакан оказался единственным в тот вечер! Но они по русскому обычаю повторили, строили, а уж потом все само пошло-поехало. Кончилось все тем, что Боря провалился в погреб, Федя ушел куда-то, не забыв прихватить с собой упаковку таблеток от гонореи, а Костя заснул в изоляторе на высокой хирургической койке, по обе стороны от которой торчали капельницы.

Очнувшись утром (не проснувшись, а именно очнувшись, как от наркоза), он на карачках выполз в степь, подступавшую прямо к задним дверям санчасти. Одного взгляда в голубое летнее небо оказалось достаточно, чтобы вызвать у него мучительный рвотный спазм. В обе стороны тянулся дощатый забор, опутанный для надежности колючей проволокой, и Косте, чтобы добраться до родного склада, предстояло пройти вдоль него чуть ли не километр.

Сил не было даже на то, чтобы принять вертикальное положение, но невдалеке мирно щипал травку Бидон, с которым Костя был шапочно знаком. Это был лохматый низкорослый конек светло-мышастой масти с совершенно белой головой и седой гривой.

Жмуркины по документам числились славянами, но в их род потомственных землепашцев, бортников и смолокуров в древние времена, несомненно, сумели затесаться скуластые кривоногие степняки. И вот сейчас генетическая память одного из этих конных варваров проснулась в Косте. Кое-как подманив Бидона к себе, он взгромоздился на его жесткий хребет, вцепился руками в гриву и ударами каблуков послал вперед. Костя забыл или не знал, что этот красноглазый жеребчик строптив, зол и коварен, как мустанг. С места набрав бешеную скорость, он помчался напрямик на дощатый забор.

«Убьемся! – успел подумать Костя. – Это надо же! Конь-камикадзе!»

Однако в нескольких метрах от забора Бидон резко остановился, упершись в землю передними копытами и подбросив задом. Костя вылетел, как камень из пращи, и, грохнувшись о забор, повис на нем в позе святого мученика Андрея Первозванного, распятого дикими скифами. Бидон довольно заржал, подмигнул одним глазом и умчался в сторону передающего комплекса станции «Заря», где в запретной зоне росла самая сочная трава.

Хорошо, что санчасть была рядом. Протрезвевший Боря и вернувшийся из самоволки Федя долго трудились над Костей, замазывая йодом многочисленные ссадины и вытаскивая занозы. Теперь он пил денатурат уже не ради пьянки, а исключительно в целях анестезии.

Глава 13

Лунная пыль

Как уже упоминалось здесь, воинская часть, в которой Косте довелось проходить воинскую службу, занималась слежением за отечественными и иностранными космическими объектами, которых в околоземном пространстве кишмя кишело. Девять десятых из них занимались различными видами шпионажа. Под серебристыми куполами скрывались сверхсекретные антенны. Сами станции носили поэтические названия, почему-то сплошь начинавшиеся на букву К: «Коралл», «Краб», «Куб», «Кама». Приписанные к ним расчеты за три рубля сорок копеек в месяц делали ту же работу, за которую их коллеги в Штатах получали немалые доллары. Кроме того, они успевали нести караульную службу, драить посуду на кухне, сидеть на гауптвахте и соблазнять офицерских жен.

Особенно трудно приходилось знаменитой станции «Заря», работавшей исключительно по пилотируемым космическим кораблям. Дежурить всерьез им приходилось не чаще раза в год, а все остальное время делилось между нарядами и хозяйствами. Но уж если с Байконура стартовал очередной «Союз», расчет в полном составе, не исключая и салажат, дневал и ночевал на станции. Даже пищу им доставляли туда в огромных флягах-термосах.

Естественно, что, не имея никакого представления о точных науках, управляться с действительно сложной техникой было невозможно. Учебный процесс в части был поставлен весьма круто. Сержант вручал новичку учебник, к примеру, электротехники, и, на глаз отмерив страниц тридцать-сорок, говорил: «Чтоб к следующему вторнику на зубок знал. А не то...» Самое удивительное, что пацан, имевший в школе тройку по физике и путавший ватт с вольттом, через неделю мог отбарабанить закон Ома и правило буравчика как дьякон «Отче наш». Страх побуждал мозг усваивать науку намного эффективнее, чем любознательность. Полугодичный курс техникума тут проходили за месяц-полтора. Кто знает, если бы Эйнштейна в свое время призвали в армию, то под бдительным надзором прусских капралов он не только углубил бы общую теорию относительности, но и довел бы до ума пресловутую единую теорию поля.

Во время особо ответственных стартов в часть прибывали представители Центра, главным образом из отряда космонавтов. В отличие от местных покорителей Вселенной, формально приписанных к ракетным войскам, они носили голубые петлицы, не пили по утрам спирт, не скардничали, не допекали рядовых мелкими придирками и вообще были людьми легкими, дружелюбными и симпатичными. Скоро Костя многих из них знал в лицо. Все они без исключения очень ему нравились и, вполне естественно, в космос так и не вырвались. Но не это было самым печальным. Самым печальным было то, что Костя фактически угробил отечественную программу высадки человека на Луне, куда более грандиозную и помпезную, чем проект «Аполлон».

О существовании такой программы Костя впервые узнал от одного из своих приятелей, состоявшего экспедитором при штабе. В стальном чемоданчике, опечатанном и обвешанном замочками, он носил секретную документацию из командного пункта в отдел спецсвязи и обратно. Заглядывать в этот чемоданчик, кроме него, имели право только четыре человека в части, каждый из которых был в звании не ниже полковника. Пользуясь этим обстоятельством, экспедитор беспрепятственно доставлял во всех направлениях спиртное, анашу, гражданские шмотки и прочие возбраненные солдатам вещи. Печати и замочки проблемой для него не являлись. Их он снимал с такой же легкостью, как и портянки.

Разговор, естественно, происходил под рюмку.

Источник своей информации экспедитор раскрывать не стал, но картина, сотканная из его довольно бессвязных слов, ошеломила впечатлительного Костю. Выходило, что иссле-

дование Луны с помощью автоматических станций заканчивается. Уже готовы космические корабли принципиально новой конструкции, способные доставить советского человека на наш естественный спутник. Высадка, само собой, будет приурочена к открытию очередного съезда КПСС. В честь этого события на Луне будет исполнен «Интернационал» и водружено двадцать четыре или в крайнем случае двадцать пять государственных стягов. («Почему именно столько?») – удивился Костя. «Дурак ты, – объяснил ему экспедитор. – Забыл, что ли, какой съезд последним был? Двадцать третий». Впоследствии планируется возведение научно-исследовательского института, города союзного подчинения со снабжением по первой категории, обкома партии на правах республиканского ЦК, космодрома «Плисецк-2» и базы ракетных войск стратегического назначения. Народу для всего этого потребуется столько, что уже сейчас по всем частям и подразделениям идет вербовка морально стойких и физически крепких кандидатов.

Врал пьяный экспедитор, говорил правду или просто преувеличивал, так и осталось загадкой, но душа Кости, насквозь отравленная фантастикой, воспылала фанатичной верой в торжество социализма на Луне. В тот же день он написал рапорт о зачислении его в отряд космонавтов-лунатиков.

Ночью Косте приснился волшебный сон. Легкий, как птица, он длинными, плавными прыжками несся через пепельно-серую риголитовую пустыню, известную среди селенологов и читателей НФ-литературы как Залив Зноя. Уже наступало время заката, и под косыми солнечными лучами окружающий пейзаж приобрел зловещий и мрачный облик. Каждая скала, каждый булыжник, каждый камешек отбрасывал длинные тени, путавшие перспективу и скрадывавшие расстояние. Целью Кости были сияющие вершины лунных Апеннин, среди которых не то скрывались сокровища внеземной цивилизации, не то дожидались его помощи попавшие в беду товарищи. Внезапно невдалеке что-то сверкнуло, словно наискось чиркнули спичкой, и раздался короткий чмокающий звук. Спустя некоторое время он повторился, но уже в другой стороне и с другой тональностью. «Прекратить метеоризм! Прекратить!» – прозвучал в наушниках странно знакомый голос. «Ах вот оно что! – догадался Костя. – Метеоритный дождь. Я в смертельной опасности». Тут в его нос проникло зловоние сероводорода. «Все! Скафандр поврежден! Это верная смерть! Но откуда на Луне атмосфера, даже такая смрадная?»

Костя закашлялся и проснулся. Метеоритный дождь продолжался, о чем свидетельствовало гулкое буханье, доносившееся из разных углов темной казармы. Концентрация сероводорода нарастала. В проходе возвышалась костлявая фигура командира роты майора Щербенко, проводившего свой обычный ночной обход. Обращаясь то к одному, то к другому из спящих или притворяющихся таковыми бойцов, он истерически выкрикивал: «Прекратить метеоризм! Немедленно!» (Ротный, мозги которого за двадцать пять лет беспорочной службы сильно сдвинулись в сторону дремучего маразма, каждое самое мелкое происшествие во вверенном ему подразделении считал злонамеренной акцией, направленной лично против него.)

Однако солдатики, которых за ужином накормили гороховой кашей с черным хлебом, приказы отца-командира нагло игнорировали. Деятельность их кишечника, поначалу спонтанная, постепенно обретала стройность и полифонию, свойственную разве что симфоническому оркестру. Никто в казарме уже не спал. Каждый честный военнослужащий изо всех сил старался добавить свою скромную лепту в этот поистине необыкновенный концерт.

– На месяц лишаю всю роту увольнений за пределы части! – гнусаво выкрикнул Щербенко (видно, все же нос зажал). – Всех! – И чеканным шагом покинул казарму.

Звуки, раздававшиеся ему вслед, напоминали артиллерийский салют в честь государственного праздника.

Спустя трое суток Костю вызвал к себе особист. Обмахиваясь Костиным рапортом, он вкрадчиво поинтересовался, что тому конкретно известно о программе советских пилотируемых полетов на Луну и откуда столь засекреченные сведения могли к нему поступить. Костя, которому опасность всегда добавляла если не ума, то находчивости, изворачивался долго и упорно. При этом он ссылался главным образом на свою любовь к космосу, привитую чтением произведений Немцова, Беляева и Мартынова (от упоминаний Кларка, Шекли и Брэдбери, которых особист вполне мог квалифицировать как апологетов и трубадуров империализма, он воздержался). Неизвестно, поверил ли контрразведчик подобным байкам, – на роже его было написано, что он даже самому себе редко верит – но обещал Костиным мечтам при возможности посодествовать. Если, конечно, такая программа действительно имеется.

На прощание особист вручил Косте неофициальный список имущества, необходимого его службе для борьбы с ротозеями, шпионами и вредителями. Одного спирта, предназначенного, очевидно, для спаивания вражеских диверсантов, там значилось три метра.

Предсказания всезнающего экспедитора вскоре стали сбываться. Старты космических кораблей к Луне следовали один за другим. Заранее выведав о запуске очередного из них (а было это не трудно, даже официантки в офицерском кафе знали точный график работы всех станций, от которого зависело, когда и с кем им спать), Костя с душевным трепетом ждал известий. Измученные, невыспавшиеся расчеты под утро являлись в казарму и валились на койки. «Ну как там?» – с надеждой спрашивал Костя. «Гроб с музыкой», – был ему ответ. (Вариант: «Фига с маслом».)

– А сколько такая ракета может стоить? – спросил однажды Костя у офицера, понимавшего толк в таких делах.

– Ну, примерно как город на сто тысяч человек со всеми причиндалами, – беззаботно ответил тот.

– А почему ничего у нас не получается?

– Один бог знает. То мимо пролетит, то так грохнется, что только брызги летят. Загадка. Не такие умы, как мы с тобой, над этой проблемой бьются. Я считаю, просто не везет нам.

Он, бедняга, и не знал, насколько близок был к истине. Ведь подлинная причина этого невезения, одетая в застиранное хэбэ и обутое в кирзачи, стояла совсем рядом.

Время от времени запуски приостанавливались и после очередной модернизации кораблей возобновлялись, но точно с таким же эффектом. Если на Луне и существовала какая-нибудь жизнь, ее давно бы уже уничтожило падающее с неба железо.

Иногда Костя выходил в ночь и – если тучи не мешали – пялился на серебристый диск, столь притягательный для волков и сумасшедших. Он словно старался угледеть момент посадки, моля распределяющие удачу неведомые силы об исполнении своей мечты. С таким же успехом он мог выпрашивать добавочную порцию гуляша у заведующего столовой старшины Перепадова, прославившегося умением заварить чай с помощью одной только луковой шелухи.

Если и случалось, что какой-нибудь корабль садился на лунную поверхность более или менее удачно, то следующий обязательно превращался в лепешку. Так и заглох этот грандиозный прожект, оставив в народной памяти только кликуху, закрепившуюся почему-то за автомобилями медвытрезвителя, – «луноход». Да и американцы к тому времени уже сумели нам основательно подгадить. Особенно Олдрин с Армстронгом. На пыльных тропинках далеких планет остались совсем не наши следы.

Глава 14

Пища богов

Любовь и ненависть, как принято считать, ходят рука об руку. По истечении года службы для Кости, продолжавшего любить фантастическую литературу, свою родину и отечественную космическую программу, определились и два главных объекта ненависти – рыжие тараканы и командир роты инженер-майор Щербенко, тот самый, который в приказном порядке пытался бороться с бурным солдатским метеоризмом. Но о ротном потом. Сначала о тараканах.

К ним Костя испытывал антипатию с детства, и, возможно, поэтому наглое усатое племя плодилось на просторах нашего отечества столь же успешно, как рептилии в триасовых болотах. Дело покорения космоса тараканы восприняли с энтузиазмом. Внутри начиненных электроникой блоков они чувствовали себя не менее комфортно, чем в кухонных закоулках. Сверхвысокие частоты, мощные электромагнитные излучения и блуждающие токи влияли на них исключительно благотворно. Нигде более Костя не встречал таких крупных экземпляров, как в аппаратуре станции «Коралл». Жаль, что устроители тараканьих бегов не имели доступа на этот сверхсекретный объект.

Особенно обнаглели рыжие выродки после того, как в здании, где располагался центральный радиотехнический склад, являвшийся как бы Костиной резиденцией, решено было разместить дежурную чайную. Отныне каждый работающий в ночную смену оператор мог по записке своего командира получить кружку подслащенной воды и ломоть ситника. Как ни голодны были посетители чайной, после них все же оставались крошки. Тараканы прознали об этом без промедления. Их орды заселили не только чайную, но и все прилегающие помещения. Теперь, когда Костя, открыв поутру склад, шел к электровыключателю, под его ногами хрустело так, словно пол сплошь был посыпан семечками. Пиретрум, борная кислота, dust и хлорофос оказывали действия сугубо паллиативного характера – через пару недель численность незваных квартирантов неизменно восстанавливалась. Дело доходило даже до конфликтов личного характера.

Однажды, проснувшись среди ночи на столе в своей конторе (из-за постоянных стычек с ротным он старался бывать в казарме как можно реже), Костя ощутил жажду. Стукнув ногой в стенку, за которой располагалась чайная, и получив ответный сигнал, он отправился к соседу в гости.

Всем несложным хозяйством дежурной чайной заправлял тщедушный, но шустрый и жуликоватый ефрейтор Тяпкин по прозвищу Тяпа. Ничего не умея толком, он смело брался за любое дело: выступал в наилегчайшем весе за сборную части по штанге, по клеточкам перерисовывал портреты солдатских подруг с фотографий на холсты, зауживал форменные брюки, играл в оркестре на саксофоне, лечил от грибка и трихомонад, заменял в столовой хлебoreза и стряпал липовые увольнительные записки. Все его начинания терпели крах, что постоянно навлекало на Тяпу хулу от командиров и рукоприкладство от сослуживцев.

Возможно, поэтому он встретил Костю настороженно, но, убедившись, что тот не собирается сыскивать сданные месяц назад в ремонт наручные часы, а тем более мстить за безнадежно загубленные парадные галифе, поспешил угостить гостя своим фирменным напитком, даже не требуя на то письменного предписания.

Все освещение чайной на данный момент состояло из тусклого ночника, прикрытого газетой. Тяпе уже давно пора было прикрыть свое заведение, и он опасался визита дежурного по части.

– Что-то твоя бурда и чаем даже не пахнет, – констатировал Костя.

– Весь чай я вчера с корешами счифирил, – сознался Тяпа. – Так что извиняй. – Внезапно он оживился, словно припомнив что-то. – Хочешь, я тебя кофейком угощу? Консервированное, на сгущенном молоке.

– Ну давай, – милостиво согласился Костя, выливая фальшивый чай в раковину.

Тяпа достал из какого-то тайника консервную банку с пробитой в двух местах крышкой, освободил ее от многих слоев целлофана и долго возился за стойкой, звякая ложечкой и подливая кипятком в толстый граненый стакан, именуемый в просторечье «маленковским» (неясно было, изобрел ли его товарищ Маленков лично или просто любил к нему прикладываться).

Наконец напиток был приготовлен, и Костя, с удовольствием потягивая густую ароматную жидкость, рассеянно слушал очередную байку Тяпы о том, как, работая на строительстве Останкинской телебашни, он однажды сорвался со стометровой высоты и спасся только потому, что в последний момент зацепился ширинкой за кусок арматуры, которую накануне по собственной халатности не срезал.

Кофе постепенно убывал, и на язык Косте все чаще попадались аппетитно хрустящие просахаренные комочки. Его стало разбирать любопытство, и он поднес один из этих комочков поближе к ночнику. При внимательном изучении он оказался раскушенным пополам тараканом.

Костя еще не сумел осознать этого, а Тяпа, проявив завидную реакцию, уже оказался за порогом чайной, вне пределов досягаемости кулаков разъяренного приятеля. Оставшись в одиночестве, Костя разгромил в чайной все, что мог, прополоскал рот и принялся ждать. Обутый в клеенчатые тапочки и не успевший прихватить с собой даже шапку, Тяпа не мог долго продержаться на ноябрьской стуже.

Спустя примерно полчаса за окном послышалось царапанье и к стеклу прижалась обезьянья мордочка ефрейтора, у которого разве что сосульки на ушах не выросли.

– Костя, прости, – заканючил он голосом профессионального попрошайки. – Я тебе бутылку коньяка выставлю. Мне завтра обещали принести.

– Заходи, чувырло, – милостиво разрешил уже успевший успокоиться Костя, однако, когда Тяпа, как пугливое привидение, возник в дверях, все же заехал ему сапогом по копчику.

Проклиная всепроникающих насекомых, они обоюдными усилиями вскрыли консервную банку до конца. Вся она была заполнена шевелящейся массой, состоящей из кофе и тараканов по принципу «фифти-фифти».

Над дальнейшей судьбой этого сомнительного лакомства они раздумывали недолго. Наиболее реальным претендентом на него был сержант комендантского взвода Самцов, давно опостылевший Тяпе еженощными визитами. Налившись дармовым чаем, он добра не помнил и при каждом удобном случае пытался уличить своего кормильца в хищении сахара и заварки.

(Следует отметить, что характер Самцова изменился в худшую сторону не без влияния заведующего столовой старшины Перепадова, у которого тот начинал службу в должности повара. Однажды вечером Самцов решил искупаться в котле-автоклаве, предназначенном для приготовления супов, каш и других жидких блюд. Разомлев в теплой водичке, он не заметил, что в столовую с инспекционным визитом явился Перепадов, внешним видом весьма напоминавший знаменитого комдива Чапаева. Некоторое время он молча смотрел на обнаглевшего повара, который тоже не издавал никаких звуков, а затем закрыл и тщательно задраил герметичную крышку котла, своим устройством напоминавший входной люк подводной лодки. Оказавшийся в полном мраке, Самцов ощутил, что вода начинает медленно закипать. Конечно же, Перепадов не собирался сварить его живьем. Действия старшины носили сугубо воспитательный характер. Выждав минут десять, он открыл крышку и, подо-

звав дежурного по столовой, шутки ради сказал ему, что картошку и крупу можно уже закладывать, а вот перец и лавровый лист еще рано.

Однако Самцов повел себя после этого странно: мало того, что стал заикой, да еще и сон совершенно утратил. При одном виде здания столовой он падал в обморок, за что был признан профнепригодным. Впрочем, подходящую должность ему вскоре нашли – истопником при караулке. Так он и жил в ней, как цепная собака в будке, питаясь исключительно сухим пайком. Не обремененный сном и излишним пищеварением, Самцов всего себя посвятил святому служению Уставу караульной и гарнизонной службы. Обмануть, подкупить или уговорить его было невозможно. Особенно часто приходилось страдать от его притеснений нечистым на руку Тяпкину и Жмуркину.)

Вызванный Тяпой по внутреннему телефону, Самцов вскоре явился. Шинель его, заменявшая одновременно и одеяло и матрас, выглядела соответствующим образом, а на голове, несмотря на холод, косо сидела вылинявшая пилотка. Глаза, запавшие глубоко, как у мертвеца, лихорадочно блестели. Он, конечно же, не верил в доброту Тяпы, но кофе от него тем не менее принял. Выглядел сей напиток как настоящий, был подслащен, а не посолен, на табуретке не лежали канцелярские кнопки, да и других явных подвохов не наблюдалось. Отощавший на сухомытке Самцов навалился на неожиданное угощение, как солдат на Дуньку. Когда в стакане всплыл первыйдохлый таракан, он спокойно выловил его ложечкой и положил на край стола. Так же поступал со вторым и с третьим. После появления четвертого Самцов немного задумался, а затем копнул ложечкой поглубже. На поверхность она явилась переполненная добычей, как рыбацкий невод на Ньюфаундлендской банке. Тяпа схватился за хлебный нож, а Костя за ножку ближайшей табуретки. Однако эксцессов не последовало. Пробормотав «С-с-спас-сибо, с-с-сволочи», Самцов жестом римского патриция запахнул свою жуткую шинель и гордо удалился. В чайной он действительно больше никогда не появлялся.

Среди солдат в ту пору ходила хохма, обещавшая досрочный дембель тому, кто уничтожит не менее миллиона тараканов. Костя, действуя как химическими, так и механическими средствами, лишил жизни куда большее количество ночных мародеров (это даже не считая съеденных им), однако свой срок отбарабанил от звонка до звонка.

Глава 15

Идиот

Тараканы были неистребимы в силу своей многочисленности, бешеных темпов размножения и способности скрываться от преследователей в любой щели. Майор Щербенко существовал в единственном и уже сильно подпорченном экземпляре, по причине возраста к размножению был вряд ли пригоден, радикулит не позволил бы ему залезть даже в окоп полного профиля, но вреда людям, а в особенности Косте Жмуркину, он причинил значительно больше, чем все на свете тараканы, вместе взятые.

Поговаривали, что до того, как стать строевым командиром, Щербенко слыл авторитетом в области радиолокации и даже совместно с весьма обширной группой соавторов написал один из первых учебников на эту тему. Но потом с ним что-то случилось. Не то вертушка радарной антенны задела его по голове, не то он сам сунул эту голову в активную зону излучателя высокочастотных импульсов. В госпитале, однако, выяснилось, что, кроме головы, у Щербенко ничего другого не пострадало, а эта часть тела, как известно, для офицера не самая главная, тем более если глотка продолжает успешно функционировать. (Все еще памятен был анекдотический случай, когда абсолютно неграмотный человек, до восемнадцати лет пасший баранов на Кавказе, впоследствии дослужился до полковника, и не где-нибудь, а в железнодорожных войсках. Диплом о высшем образовании и все нужные справки чадолюбивый отец купил ему на базаре в Нальчике перед самой войной.)

Правда, измерительную станцию Щербенко не доверили, но роту дали. С тех пор учебник радиолокации, с которого за давностью лет сняли гриф «Секретно», всегда лежал на столе в ротной канцелярии. Время от времени Щербенко начинал читать его, морща лоб и шевеля губами, но дальше второй страницы введения еще ни разу не добрался.

Всех своих бойцов, а равно и младших офицеров он люто ненавидел, как злой и завистливый горбун может ненавидеть стройных красавцев. Рота, за исключением нескольких прирожденных подхалимов, отвечала ему пылкой взаимностью.

Однажды на утреннем построении (дело было сразу после мартовского праздника) он произнес перед личным составом следующую страстную речь:

– Не буду скрывать, товарищи, кое-кто из вас поздравил меня по почте с Международным женским днем. Вы пишете, что хотя я и не имею отчетливых женских половых признаков, но, несомненно, могу быть отнесен к этой части человечества, поскольку являюсь проституткой и этой самой... как ее... язык не поворачивается произнести...

– Блядью, – тихо подсказал кто-то из задней шеренги.

– Вот-вот, именно ею. Старшина, быстренько найдите мне этого говоруна... Так вот, товарищи, ваше внимание мне, безусловно, лестно. Но ложный авторитет мне не нужен! Хватит того, что моим именем туалеты расписывают. Попрошу авторов злопыхательских посланий добровольно явиться в канцелярию. Иначе графологической экспертизе будет подвергнута вся рота! А теперь – разойтись!

Хохоча в кулак над подобным образцом армейского красноречия, Костя направился в туалет, который действительно был украшен афоризмами типа «Щербенко – пень с глазами», «Очко имени майора Щербенко», «Щербенко – мультивибратор», но неожиданно наткнулся на ротного, по какой-то причине задержавшегося в коридоре.

– А вы чему злорадствуете? – строго спросил он. – Что я сказал смешного? А ну, за мной!

Пришлось Косте в канцелярии попеременно правой и левой рукой несколько раз написать «Щербенко – сука драная», прежде чем обвинение в попытке дискредитации чести и

достоинства командира было с него снято. Однако он крепко запал в память ротного, хоть и поврежденную, но именно в силу этого цепкую как репей.

Вторая их стычка носила лингвистический характер. Как и многие впавшие в детство люди, Щербенко придумывал новые слова или до неузнаваемости искажал смысл слов общеупотребительных. Лопату он называл ковырялкой, молоток – стукачом, рубанок, соответственно, – строгачом, а корову – мычалкой. «Ну что, братцы, насупились?» – ласково спрашивал он в столовой, когда рота приканчивала первое блюдо. После завершения обеда следовала команда: «Кто уже окомпотился, выходи строиться!» Особенно возбуждало его красноречие какое-нибудь чрезвычайное происшествие в роте, например, самоволка или залет по пьяному делу. Обращаясь к провинившимся, Щербенко от избытка чувств едва не рыдал:

– Дегенераторы! (Вместо «дегенераты».) Курвиметры! (Очевидно, он полагал, что это мужской род от «курвы»), хотя на самом деле так назывался прибор, используемый в картографии.) Жопуасы! (Усилительная форма от «папуасы».) Целкомонадзе! (Данный неологизм относился к кавказцам, которых в роте было предостаточно.) Гондоны штопаные! (Вот уж это было солдатам близко и понятно.) Откобелились и отсучились! (По аналогии с «оттянулись».) Спились и скурвились! Продали родину за стакан вонючей сивухи и кусок сраной кишки! (Имелось в виду влагилице.) Стыд вам и позор!

Костя, равнодушный к всяким литературным изыскам, взял себе в привычку записывать эти неологизмы в блокнот, однако вскоре на этом попался. Неизвестно, какие жуткие подозрения родились у Щербенко, но подлый писака был подвергнут тщательному личному обыску, включая прощупывание швов нижнего белья и протыкание шилом подметок сапог. Все обнаруженные у него бумаги, даже конфетные обертки, были изъяты. Так пропали почти все Костины рукописи. После этого Щербенко решил с рядового Жмуркина впредь глаз не спускать. Тот поначалу попытался откупиться спиртом и стройматериалами (действуя, естественно, через посредников), но майор, во-первых, не пил – своей дури хватало, – а во-вторых, как всякий идиот, искренне полагал, что все положенное для ремонта казармы он получит в срок и в полном объеме. Как бы не так!

Дальнейшая их конфронтация протекала по такой схеме: Костя всеми доступными способами подрывал хилое хозяйство роты, а Щербенко как мог старался сделать его жизнь содержательней, то есть почаще привлекать к нарядам и хозработам. За два года службы Костя побывал в увольнении всего один раз, когда ротного поместили на обследование в гарнизонный госпиталь, дабы в очередной раз проверить – рехнулся ли он окончательно или еще может какое-то время послужить отечеству.

В течение этого счастливого дня Костя познакомился с жизнью глухого поселка Сангой, солдатами окрестных частей переименованного в «Сайгон». Он впервые в жизни прошелся по деревянным скрипучим мостовым, о которых до этого слышал только в песнях, и созерцал трехэтажные кирпичные здания, население которых по случаю летней поры перебралось в поставленные тут же войлочные кибитки. В бревенчатой столовой он пил кислую бурду, поименованную в ценнике как «Вино типа Кеша, крепость 10–12 градусов». Этого загадочного «Кешу» разливали черпаками из сорокалитровых бидонов, и в нем обильно плавала мелкая древесная щепка. В центре поселка, возле автобусной станции, старики-кочевники на глазах у всех справляли нужду, как это они привыкли делать всю жизнь на просторах своих необъятных степей. На узкой железной койке в общежитии мясокомбината при содействии коренастой и скуластой женщины, скорее всего бывшей зэчки, Костя утратил невинность. В комнату постоянно заходили другие бабы, то уютю взять, то еще по какому-нибудь делу, и любовникам пришлось с головой завернуться в одеяло. Потом, когда все закончилось, страшно разочарованный, да еще обиженный вопросом: «Из какого аймака

ты родом?» – Костя обильно обсыпал всех присутствующих пудрой. На всю жизнь он запомнил тоску, вдруг разобравшую его во время долгого пешего возвращения в часть.

Очередной сюрприз Щербенко преподнес Косте на Новый год – загнал в караул на самый далекий пост. Стоять ему довелось в наиболее поганое время – с полуночи до двух.

Мороз выдался такой, что на автоматах, принесенных с улицы в караулку и вовремя не протертых, появлялись похожие на лишай белые пятна. От ветра сотрясались все заборы, а под навесами туда-сюда катались пустые железные бочки.

Костя надел белье, обычное и теплое, повседневное обмундирование, ватные брюки и бушлат, шинель, толстые суконные портянки, огромные постовые валенки, вязаную маску с прорезью для глаз, шапку-ушанку, тулуп, скорее похожий на шалаш, чем на предмет одежды, шерстяные перчатки и меховые беспалые рукавицы. После этого начальник караула навесил на него автомат, противогаз, ремень со штык-ножом и подсумком, взял под руку и повел на пост. Если бы Костя упал в таком облачении, то никогда бы не смог самостоятельно подняться.

Скоро щель в маске заросла инеем, а ветер быстро выдул из-под многослойной одежды последние остатки тепла. Где-то взлетали осветительные ракеты, знаменующие приход Нового года. Из офицерского кафе доносились звуки музыки. Дабы окончательно не пасть духом, Костя занялся сочинением подходящих такому случаю стихов. К исходу второго часа ночи стенания его души и горечь сердца обрели следующую форму:

Где-то есть оранжевое,
Где-то голубое.
А вокруг все белое,
Словно неживое.
Как дыханье айсбергов,
Как зимы оплот —
Минус сорок с ветром,
Ночь под Новый год.
А ведь в другой части света
В феврале тают льды,
И у девчонок платья,
Как метель, белы.
А нас качает ветер,
А мы стоим на постах,
И не шампанского брызги —
Лед у нас на губах.
Минус сорок с ветром,
Но это не беда,
Что к ресницам шальная
Примерзает слеза.
Ведь я хочу лишь только,
Чтоб вспомнили меня
Те, кого этой ночью
Вспоминаю я.

Вернувшись в караулку, скинув с себя все лишнее и растерев искусанное морозом лицо, Костя получил праздничный ужин, в который, кроме обычного набора из вермишели с бараньими костями да селедочного хвоста, на этот раз входила кружка остывшего какао и четыре квадратика печенья. Что в это время делал Щербенко, он не знал. Скорее всего сидел в кан-

целярии, стараясь в солдатском храпе различить позвякивание стеклянной посуды, свидетельствующее о грубом нарушении дисциплины.

«Ладно, – подумал Костя. – Я прощаю тебя. Ты сам себя наказал. Через год я отмечу этот праздник дома, а ты вновь будешь трезвым сидеть в унылой ротной канцелярии, вдыхая вонь солдатских портянок».

(Судьба Щербенко, впрочем, сложилась иначе. Ненависть к нему Кости была так велика, что вскоре он необъяснимым образом поумнел, установил в роте либеральные порядки, принялся критиковать начальство и даже осмелился появиться на территории части в гражданской одежде. И тогда, решив, что Щербенко спятил окончательно, его немедленно уволили на пенсию, присвоив в утешение звание подполковника. Но все это случилось уже после Костиной демобилизации.)

Часть II

Глава 1

Преступление и наказание

Да, нудно, трудно и унизительно жилось Косте в армии.

Но когда майским днем его в последний раз общмонали на КПП, когда сердобольный Кочкин сунул ему на прощание пакет с домашними пирожками, когда оркестр грянул «Прощание славянки» и друзья, чей дембель по разным причинам откладывался, на руках вынесли его за ворота, у Кости к горлу подкатился комок, а на глазах выступили слезы. Даже опостылевшее проволочное заграждение показалось ему чем-то милым и привычным, а желчный вздорный начальник штаба, вышедший напутствовать увольняемых, выкопавших под его личным руководством не одну сотню окопных метров (особо дерзким нарушителям дисциплины приходилось копать в противогазах), смотрелся чуть ли не отцом родным.

Впрочем, слабость эта была минутной.

В родные места Костя возвращался на самолете – денежки для этого нашлись. Первый раз ему довелось созерцать землю с такой высоты, и он убедился, что учебники географии не врут – в Байкал действительно впадает много речек, а вытекает только одна. Мир внизу уже начал понемногу зеленеть, и только славное сибирское море выглядело белым продолговатым пятном. Лед на нем еще только едва-едва отошел от берегов.

В Европе всюду цвели сады, а улицы, примыкавшие к аэропорту, были полны девушек, пахнувших сиренью, и парней, пахнувших портвейном. Никто не обращал внимания на Костю, закованного в уродливый и некрасивый парадный мундир. С каким-то горьким удивлением он осознал, что за то время, пока он с друзьями кормил мошкарку в Восточной Сибири, жизнь здесь продолжала бить фонтаном.

Оглядевшись немного на гражданке, Костя не ощутил тяги ни к какому виду труда, кроме литературного. Кое-какие наброски остались у него с доармейских времен, кое-что он держал в памяти с тех пор, как майор Щербенко уничтожил все написанное им на бумаге.

Через своего соседа-шабашника, ставившего дачи в кооперативе литераторов «Роман и драма», Костя познакомился с одним настоящим писателем и, две недели бесплатно поработав на него, признался в своих заветных мечтах.

– Ну и что же такое вы пишете? – спросил писатель у Кости.

– Фантастику, – сообщил Костя. – Раньше, правда, и стихи писал...

– Это вы зря, – брезгливо скривилось лицо писателя. – Это никому не нужно. Надо писать о вечном. К примеру, о пограничниках.

Сам писатель разрабатывал только эту тему, потому что, прослужив двадцать лет на заставе, ни о чем другом на свете понятия не имел. Хотя существовала надежда, что, поселившись за городом, он вскоре напишет что-нибудь эпохальное вроде «Дачников».

Впрочем, он все же снизошел до Костиных опусов. Приговор был таков: стихи очень слабые, а проза хоть и сырая, но определенного внимания заслуживает. Но внимание это Косте могут оказать только в «журнале соответствующего профиля». В его устах эти три слова прозвучали почти как «женщина соответствующего поведения». Затем писатель вручил Косте адрес, написанный на клочке газеты.

– Журнал «Вымпел», – прочел Костя. – Никогда о таком не слышал.

– И не удивительно, – пожевал губами писатель. – Редколлегия там еще та подобралась... Уклоняется от разработки темы о пограничниках. Хотя вроде и обязана.

Журнал «Вымпел» по своему статусу должен был заниматься главным образом допризывным воспитанием молодежи, но печатал статьи о чем угодно: о последних модах, экстрасенсах, террористах, восточных единоборствах, гоночных мотоциклах, сексуальном воспитании и джазе – то есть как раз о том, о чем в молодежных журналах писать было не принято. Даже клуб знакомств по переписке – один из первых в стране – в «Вымпеле» существовал. О допризывной подготовке упоминалось только в передовых статьях, да и то довольно глухо.

Вся Костина писанина была с ходу отвергнута, но так просто расставаться с молодым автором редакция не собиралась. По мнению ее членов, именно он должен был в высокохудожественной форме восполнить пробел по части того самого допризывного воспитания. Тут же был составлен договор на цикл коротких фантастических рассказов, соответствующих профилю журнала.

Первый рассказ был написан уже через неделю и после пяти последовательных переделок принят к публикации. Его действие разворачивалось на Марсе, где смелый допризывник-землянин отражал нашествие венерианских захватчиков. Предводитель агрессоров состоял в звании майора и носил имя Щер-Бен-Ка.

– А почему вы автором указываете какого-то Б. Кронштейна? Ведь ваша фамилия Жмуркин, – поинтересовался главный редактор, который сам по паспорту был Я. Гофштейном.

Костя всегда стеснялся своей фамилии, но признаваться в этом не хотел. Подумаешь, какой-то Жмуркин! Чуть ли не Жмурик. А «Кронштейн» звучало энергично и звонко – «К-р-р-о-н-штейн». Он принялся мямлить о том, что, как всякий порядочный писатель, собирается подписываться только псевдонимом и от решения своего отступить не намерен.

– Значит, вы настаиваете именно на таком псевдониме? – с некоторым сомнением произнес редактор и вызвал ответственного секретаря, фамилия которого была попроще – Рабинович.

– Настаиваю, – сказал Костя. – А в чем, собственно, дело?

– Да в том самом, – загадочно ответил редактор. – Ругают нас за национальный состав редакции.

– Ах вот вы о чем! – догадался наконец Костя. – Тут-то у меня как раз все в полном порядке. – И он, как бы в доказательство, потрогал свой курносый нос. – Можете не беспокоиться.

– Вот-вот! – согласно кивнул ответственный секретарь, который был если не умнее, то находчивее редактора. – Вы нам, пожалуйста, свою фотографию принесите. Желательно в анфас. Чтоб у читателей тоже сомнений не возникало.

Но сомнения возникли уже после третьего рассказа, хотя благодаря им тираж журнала удвоился. Правда, возникли они не у читателей. И не по поводу пресловутого национального состава редакции. Копнули глубже. Прямо под идеологическую подопку его публикаций.

В одной из центральных газет появилась статья, скрупулезно анализирующая достоинства и недостатки «Вымпела» за последние несколько лет. Среди достоинств называлось хорошее полиграфическое исполнение и доступные цены. Среди недостатков все, что можно приписать печатному органу в несвободной стране. Журналу вменялось в вину то, о чем он никогда не писал, а то, что он действительно писал, искажалось самым невероятным образом. Фразы, с мясом выдранные из текста и произвольно скомпонованные, действительно приобретали двусмысленный, если не сказать больше, характер. В шуточных рисунках, очевидно, подвергнувшихся изучению под микроскопом, была усмотрена издевка над всем,

что являлось святым для допризывников, а также их отцов и дедов. Следы идеологической диверсии обнаружились даже в кроссвордах и шарадах. В заключение журнал был назван «шавкой, твякающей из подворотни» и выражалась надежда, что компетентные органы наконец-то разберутся с ним.

Результаты разборки превзошли все ожидания. «Вымпел» переименовали в «Авангард» и на треть урезали в объеме. Фантастические рассказы исчезли вместе с кроссвордами, шуточными рисунками и прочим безыдейным хламом. Все публикации в отощавшем журнале были теперь на одном уровне – суконном уровне официозных передовиц. У главного редактора едва не отобрали партбилет, а у ответственного секретаря – последнее здоровье. У Кости отобрали единственную возможность печататься. Во всех других журналах и газетах его чурались, как опасного безумца.

Впрочем, ничего удивительного здесь не было. Прирожденные фантасты, правившие страной седьмой десяток лет, терпеть не могли конкуренции.

Глава 2 Что делать?

Все это начинающий писатель Жмуркин воспринял как катастрофу. Почему вещи, на которые годами смотрели сквозь пальцы, вдруг в единый миг стали криминалом? И почему по времени эта поруха совпала с появлением в журнале некоего Б. Кронштейна, успевшего полюбить и тесные редакционные комнаты, стены которых были сплошь оклеены детскими акварелями, и главного редактора, похожего на английского денди, и ответственного секретаря, похожего на колхозного счетовода, и сам журнальчик – пестрый, боевой, веселый? Не стал ли он, Костя, помимо своей воли катализатором, обратившим живой и веселый родник в тухлую стоячую лужу? Быть может, это именно его опусы переполнили чашу терпения тех, кому по долгу службы надлежало определять, что следует и чего не следует читать советским допризывникам? Допустим, человек – слепое оружие рока. Но уж если тебе суждено стать серпом, то почему не тем, который жнет колосья, а тем, который калечит жниц? Что-то чересчур часто терпит крах все то, что вызывает его симпатию.

Он задумался, раз за разом тщательно перебирая события своей жизни. Чтобы не запутаться, Костя по памяти составил список всего того, что он любил и что ненавидел, а затем по каждому пункту выставил результат. Общий итог подтвердил жуткую догадку.

Кто-то умеет гениально шить сапоги, думал он. Кто-то гениально поет, малюет картины, командует большими батальонами или пускает пыль в глаза. Джульетта гениально любила. Ричард Третий гениально ненавидел. Отелло гениально ревновал. Следовательно, среди шести миллиардов землян должны существовать и гении-извращенцы, способные навлекать беду на объекты своей любви, а удачу – на объекты ненависти. Хотя слышать о таких раньше не доводилось. Впрочем, это и понятно. Хвалиться подобным даром не будешь. Это похуже врожденной гемофилии или болезни Дауна... Гений злонравной любви и добротворной ненависти. Ничего себе подарочек судьбы!

«Что же мне теперь делать? Где найти выход? Если я ничего не могу поделаться со столь опасным талантом, то должен хотя бы резко изменить свое отношение к вещам, странам, событиям и, главное, к людям. Полюбить грешников и возненавидеть праведников. Проклясть отчизну и восславить врагов ее. Отречься от друзей и близких. Поклоняться кривде, а не правде. Жить по лжи, а не по истине. Возможно ли вообще такое? И с чего начать?»

Отыскивая объект для эксперимента, Костя покрутился по своей комнате и вышел на кухню. Здесь в серванте он приметил початую бутылку водки. Уставившись на нее пронзительным взглядом, Костя принялся бормотать заклинание:

– Я тебя ненавижу, я тебя ненавижу, я тебя ненавижу... – Убеждая себя в этом, он предполагал, что спиртное вскоре должно резко подешеветь и продаваться даже в газетных киосках.

Через пять минут горло его пересохло, в глазах замерцали блики и проклятая бутылка целиком заслонила поле зрения. Косте нестерпимо захотелось выпить. Внутренний зов такой интенсивности он до этого испытывал только во время поноса, находясь в месте, безнадежно далеко отстоящем от ближайшего туалета. Костя терпел сколько мог, а потом, уже на грани обморока, схватил искусительницу за горлышко и сделал долгий, трижды булькнувший глоток.

– Нет, все же я тебя люблю... – перевея дух, печально сказал он.

Уже на следующий день в газетах был опубликован антиалкогольный указ, хотя и не такой строгий, как последующий, рожденный в годы перестройки, но в пьющей стране прозвучавший как гром среди ясного неба.

Костин эксперимент с треском провалился, но зато он теперь уже точно знал – все близкое его душе и сердцу неминуемо обречено на неуспех, страдания и гибель...

Программа, выработанная Костей на будущее, была такова.

По мере возможности никого не любить, кроме заведомо подлых людей. В близких подмечать отрицательные качества и на них концентрировать внимание. Не смотреть хороших кинофильмов. Не читать хороших книг, если нет полной уверенности, что их авторы уже скончались. Регулярно слушать вражеские радиоголоса, дабы проникнуться антипатией к собственной родине. Не заниматься никакой деятельностью, действительно необходимой людям. Например, медициной или пожарным делом. Ведь не исключено, что он вспыхивает к своей работе симпатией и тогда кривая смертности и горимости сразу рванет вверх.

Чтобы не навлекать беду на родителей, и без того обделенных счастьем, он сначала решил уехать куда-нибудь, но потом решил, что разлука только обострит сыновние чувства, а повседневные трения и размолвки, наоборот, эти чувства будут умерять.

Бросить литературу Костя уже не мог, хотя и понимал в душе, что чем сильнее будет увлекать его творческий процесс, тем дальше он будет уходить от него в область графомании.

Оставалось определиться с работой. Закон уже грозил ему уголовной ответственностью за злостное тунеядство. В то время все личности, испытывавшие тягу к интеллектуальному труду, но не имевшие доступа к кормушке творческих союзов, устраивались либо кочегарами, либо дворниками, либо сторожами. Но его родной городок отапливался в основном дровами и торфом, а на единственной котельной штат был укомплектован практически навечно. Последнего дворника рассчитали еще в восемнадцатом году. Оставалось податься только в сторожа, что Костю в принципе устраивало – полюбить такую работу было, по его убеждению, просто невозможно.

Глава 3

Сторож брату моему

Неприятным открытием для Кости оказалось то, что все сторожа были сосредоточены в так называемой вневедомственной охране, подчинявшейся непосредственно милиции. Нельзя сказать, что он не испытывал симпатии к людям, недавно сменившим цвет мундиров с синего на мышинный. Просто Костя инстинктивно старался ни при каких условиях с этой категорией лиц не сталкиваться. Просить у милиции помощь и защиту в Костином понимании было то же самое, что лечить холеру синильной кислотой. Наловчившись крутить руки, местные городские думают так и не наловчились – видно, нужды особой не было. В каждом живом человеке (особенно мужского пола) после семи лет они видели потенциального, а может быть, уже и сознательного преступника. Правило: «Пусть лучше пострадает десять невинных, чем уйдет от ответственности один виновный» – продолжало оставаться в силе и после того, как его авторы сами давным-давно превратились в пресловутые щепки, без которых, как известно, лес рубить не полагается. Однако какая-нибудь альтернатива отсутствовала, и одним ранним августовским утром он отправился на поиски конторы, взявшей под свое крыло представителей третьей из древнейших профессий, упомянутой в Библии сразу после «пастыря овец» и «землепашца». Здание, на которое указали ему знающие люди, выглядело ровесницей Ноева ковчега. Во всем городе не было больше таких мутных оконных стекол и такого запущенного фасада.

На работу Костю без всяких проволочек приняла кассирша отделения охраны, сухопарая дама с замашками отставного наркома и следами порочной красоты на лице. Иное начальство отсутствовало. Приняв от Кости заявление и выписав трудовую книжку, она объяснила, куда ему идти, но не объяснила, что нужно делать.

Целый месяц Костя простоял в чистом поле возле двух бурых от времени стогов льна, называвшихся «шохами». Кроме этих стогов, на посту не было ничего – ни забора, ни телефона, ни огнетушителя, ни хоть какой-нибудь будки, где можно было бы укрыться от непогоды. Однажды ночью прямо на Костю вышли три мужика, имевшие при себе бутылку самогона. Они попросили у сторожа стакан, но даже такой мелочи у него не оказалось.

Приближения осени Костя ожидал с ужасом. Не предполагал он, что где-то караульная служба налажена еще хуже, чем в армии.

Явившись в контору за причитавшимися ему шестьдесятю рублями, Костя твердо решил уволиться. Он чувствовал: еще чуть-чуть – и проклятые шохи, испепеляемые его ненавистью, сами собой превратятся в горы первоклассного батиста.

Однако его уже поджидал начальник охраны подполковник Корято. На этот скромный пост он слетел аж с должности начальника уголовного розыска. О причинах подобного афронта ходили противоречивые слухи: не то он кого-то случайно пришиб на допросе, не то хапнул взятку, превышающую допустимые размеры. Работа в охране была для любого милиционера тем последним пределом, за которым открывались необъятные и неблагодарные просторы так называемого «народного хозяйства».

Видом Корято напоминал косоожского богатыря Редедю. Каждая его ладонь была размером с лопату, а на загривок не всякий хомут налез бы. Он был одним из последних монстров уходящей эпохи. Даже в МВД такие экземпляры уже почти не сохранились. В органы он попал сразу же после окончания оккупации еще несмышленным губошлепом. Зачлись довольно сомнительные партизанские заслуги. Университетов он, естественно, не кончал и уже в майорском звании был почти насильно определен в заочную среднюю школу милиции. Проучился он там, а вернее, промучился, целых четыре года, но дальше середины второго

курса так и не добрался. Не помогли даже свиные полутуши, без которых юристам-заочникам являться на сессию было так же неприлично, как и без штанов.

Читать он еще читал. Даже написанный от руки текст разбирал. Но дальше начиналась мука мученическая, поскольку на каждый документ надлежало наложить соответствующую резолюцию или хотя бы оставить на нем автограф.

Подполковник брал самописку в правую руку, а левой обхватывал ее запястье, словно собирался стрелять из крупнокалиберного пистолета «магнум-питон». Тщательно прицелившись, он тыкал пером в левый верхний угол документа и, сопя, выводил первую букву – заглавное «К». Отдохнув немного и придав бумаге более удобное положение, он вновь атаковал ее, на этот раз посылая дуплетом сразу «о» и «р». После буквы «ы», очевидно, самой трудоемкой для него, Корято вытирал испарину и уже на последнем дыхании изображал размашистую завитушку, обозначающую заключительный слог «то».

Добросовестно проделанная работа требовала поощрения и, не дождавшись его со стороны, Корято делал комплимент самому себе. При этом он обычно обращался к глуховатому бригадиру Зайцеву:

– Вот перемрем мы, дед, что тогда молодежь без нас делать будет, а?

– И не говорите даже, – озабоченно отвечал бригадир, ковыряя в ухе. – Пропадут.

Нельзя сказать, чтобы в течение всех тридцати лет своей службы Корято пребывал в органах бесполезным балластом. Культуру и образование ему вполне заменяли опыт, настырность, интуиция и пудовые кулаки. С самогонщиками, ворами, браконьерами и семейными скандалистами он боролся вполне успешно, и если бы не тот единственный досадный просчет (то ли у подследственного череп слабый оказался, то ли у взяточдателя в последний момент дрогнула лапа), карьера подполковника Корято могла бы иметь дальнейшее развитие.

На Костю начальник смотрел долго и взыскующе, как будто бы уже уличал его в каком-то преступлении, а затем спросил, словно в ржавую трубу протрубил:

– Ты сколько классов кончил?

– Десять. – Этот факт Костя скрывать не собирался.

– А в сторожа чего пошел?

– Семейные обстоятельства, знаете ли... – уклонился Костя от прямого ответа.

– Судимый? – Корято стукнул ладонью по столу.

– Н-н-нет. – От неожиданности Костя даже поперхнулся.

– Тогда бригадиром пойдешь. Зайцеву нашему давно на покой пора. Зажился. Уже землей пахнет. Работа у тебя будет непыльная. И денег на два червонца больше.

– Я... я... – Костя хотел сказать: «Я подумаю».

– Пиши заявление! – Это прозвучало уже как приговор. Корято ногой пихнул Косте табуретку. (До сих пор тот стоял перед начальником навтыжку.)

Под диктовку той же всезнающей кассирши Костя написал новое заявление и отправился на квартиру к одряхлевшему Зайцеву, который должен был ввести преемника в курс дела.

Глава 4

Пикник на обочине

Работа бригадира действительно оказалась несложной. В начале месяца требовалось составить график дежурства на каждый пост, а в конце – табель учета рабочего времени. Если какой-нибудь сторож заболел или запивал, Костя обязан был найти ему замену. Конечно, полагалось еще проверять несение службы в ночное время, но начальник на этом внимание не заострял. Он и сам трудился спустя рукава, воспринимая свою новую должность как ни к чему не обязывающую синекуру.

В один из первых же дней Костиного бригадирства он буркнул, глядя куда-то в сторону:

– Пошли. Научу тебя обследовать техническую укрепленность охраняемых объектов.

При ходьбе в животе Корята, раздутым неумеренным питьем и обжорством, хлопало, как в катящейся бочке. Каждый его шаг был вдвое длиннее Костиного, и тому приходилось бежать вслед за начальником вприпрыжку. Обследование началось с ближайшего гастронома. Не говоря никому ни единого слова, Корято прорезал толпу, ожидавшую подвоза молока и хлеба, прошел на склад, выхватил из ящика бутылку вина и прямо из горлышка опорожнил ее на две трети. Остатки достались Косте. В склад так же молча зашла молоденькая продавщица и положила на подоконник две соевые конфеты.

Корято закусил, удовлетворенно икнул, порылся в карманах и оставил на том месте, где раньше лежали конфеты, мятый рубль.

– Добавляй сорок копеек, – сказал он Косте.

На этом обследование технической укрепленности гастронома закончилось.

Конечно, в каждой работе имеются негативные стороны.

В работе бригадира охраны основной негативной стороной был сам по себе контингент сторожей, средний возраст которых превосходил среднюю продолжительность жизни по стране.

Хлебозавод охранял дед, сравнимый с египетской мумией если не годами, то внешним видом. Родственники доставляли его на пост автомобилем, совали в руки некое подобие посоха и оставляли в одиночестве. Опираясь на этот посох и медленно-медленно, почти незаметно для чужих глаз подволакивая ноги, старик мог пройти за ночь метров десять-пятнадцать. Утром вновь налетала деловая родня и в темпе утаскивала своего пращура, исправно пополнявшего семейный бюджет.

Другой дед, заменивший Костю на посту возле стогов льна, питался не через пищевод, а через трубку, торчавшую из-под ребер. Залив туда полбутылки вина, он распевал похабные песни и плясал вприсядку, но поскольку запах алкоголя отсутствовал, отстранить его от службы не представлялось возможным.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.